

Отброшенная тень

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

18+

Анар Магеррамов
Отброшенная тень

«Автор»

2026

Магеррамов А. М.

Отброшенная тень / А. М. Магеррамов — «Автор», 2026

Закрывая глаза и засыпая, мальчик по имени Ахерон из раза в раз видит ужасающие кошмары, что продолжают терзать его во снах. Страх, ужас и даже терпкое отчаяние окутывают его с каждым разом все сильнее, но он понимает, что это только мрачная иллюзия его снов... Однако лишь до тех пор, пока кошмар вскоре не становится ужасающей явью, что окутывает своей жуткой паутиной уже весь бранный мир! "Вы слышите далекий шепот скрипучих голосов? Слышите их безжалостное эхо?! Слышите стенания бесчисленных мучеников молящих выволить их из бесконечного мрака и темноты?! Достаточно лишь на миг оглянуться назад, чтобы понять... кошмар уже стоит за вашей спиной!"

© Магеррамов А. М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Арка 1. Мое имя - Ахерон. Глава 1. Получится ли и мне стать героем?	5
Глава 2. Ночной кошмар. Часть 1.	10
Глава 3. Ночной кошмар. Часть 2.	15
Глава 4. Помесье Алетеев. Часть 1.	19
Глава 5. Помесье Алетеев. Часть 2.	23
Глава 6. Засыпая в радости, я лишь вновь вижу кошмар. Часть 1.	27
Глава 7. Засыпая в радости, я лишь вновь вижу кошмар. Часть 2.	31
Глава 8. В пути.	36
Глава 9. Игрид.	41
Глава 10. Церковь Ярчайшего Света.	46
Глава 11. Лаура, епископ церкви.	50
Глава 12. Проклятый знак.	55
Глава 13. Тот, кто проклят. Часть 1.	58
Глава 14. Тот, кто проклят. Часть 2.	62
Глава 15. Тот, кто проклят. Часть 3.	67
Глава 16. На грани жизни и смерти.	72
Глава 17. Печаль, боль... вознесение.	76
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Анар Магеррамов

Отброшенная тень

Арка 1. Мое имя - Ахерон. Глава 1. Получится ли и мне стать героем?

Слабо колышущая свеча тускло освещала темноту комнаты. Она казалась совсем одинокой, едва ли способной бороться с окружающей ее темнотой, но тем не менее она была не одна. Тихий шелест изредка переворачиваемых страниц порой разносился по комнате, а тонкие, слегка дрожащие от волнения пальцы держали кончик страницы в ожидании очередного переворота, в то время как глаза еще совсем юного мальчика сияли, наполненные казалось с каждой секундой все более нарастающим волнением.

На большом деревянном столе лежало еще несколько потрепанных и пыльных книг. Если приглядеться, то сквозь легкую пелену этой пыли были видны мужчины и женщины, чьи тела принимали иногда причудливые, а порой и героические позы. На некоторых книгах они стояли одиноко, но твердо, будто каменные, непоколебимые столбы. На других же, позади них находилось множество других людей, словно бы готовых поддержать впереди стоящего в любое мгновение. Названия у всех этих книг были разные, но тем не менее по ним можно было с уверенностью понять лишь одно — это были рассказы о великих героях прошлого. Некоторые из них спасали мир, другие приносили добро и милосердие, а кто-то стремился к непоколебимой дружбе и любви.

Мальчик продолжал читать с нескрываемым наслаждением. Порой из его рта доносился тихий шепот, наполненный то удивлением, то восхищением. С каждым прочитанным предложением его тон иногда становился на порядок выше, но это ни капли не мешало ему, а скорее наоборот еще сильнее погружало в историю, описанную в книге.

— И тогда великий герой Раймон обнажил свой меч, что в присутствии духов запыхнул священным пламенем, способным истребить любое зло!

Мальчик тихо шептал, сам того не замечая, как с каждым словом его шепот становился все громче, а эмоции так и выплескивались наружу. Он продолжал торопливо читать, но его руки постепенно дрожали все сильнее, но отнюдь не от волнения. На миг он оторвался от книги, после чего спешно поднес свои руки ко рту, прижимая их и начиная медленно выдыхать воздух в надежде согреть. В комнате не было ни окон, ни ветра, и даже воздух не казался холодным, но тем не менее мальчик все равно не мог избавиться от озноба, охватившего его. Немного согрев руки своим дыханием он тут же продолжил читать, стараясь не обращать внимания на холод и вновь влиться в историю.

Минуты пролетали друг за другом вслед за переворачиваемыми страницами, тогда как мальчик все это время лишь продолжал читать взахлеб. Тем не менее уже спустя миг вдруг послышался странный скрип, а в след за ним и что-то больше похожее на завывания. Сначала он не обращал на это никакого внимания, однако спустя пару минут завывания стали еще более громкими и продолжительными, отчего он тут же оглянулся и посмотрел в темноту позади себя. На его и так бледном и холодном лице тут же отразился еще и испуг, но тем не менее

поднявшись он следом немедленно взял свой деревянный меч, аккуратно стоящий все это время возле стола.

Тонкая бледная рука мальчика, больше похожая на высохшую ветку сжала деревянную рукоять, однако его замерзшие пальцы слегка утратили чувствительность, отчего меч чувствовался сейчас особенно не привычно.левой рукой подняв со стола почти погасшую свечу он протянул ее глубже в темноту, но та едва ли могла развеять ее вокруг себя, не говоря уже обо всей комнате. Однако даже этого небольшого света хватило, чтобы увидеть часть комнаты, заставленной стеллажами, что были переполнены множеством разных книг, среди которых не было ни одной новой. Каждая из них, казалось, была ужасно старой и покрытой пылью, что само по себе наводило на мысль о запущенности этой своего рода библиотеки.

Завывания же в этот момент не прекращались ни на миг, а наоборот становились лишь напористее, в то время как сам мальчик видел едва ли на два шага впереди себя. Тем не менее стиснув зубы и взяв смелость в кулак, он следом уже медленно направился в дальнюю часть комнаты, по совместительству там же был и единственный выход из нее.

Он продолжал медленно идти в сторону звуков, которые как оказались звучали прямо за дальним стеллажом с книгами, который стоял практически у самой входной двери. Он с трудом сдерживал испуг, подбадривая себя лишь фразами из множества прочитанных им книг о героях, ведь лишь это казалось могло придать ему немного смелости в окружающей его темноте.

— Мой священный огонь сможет побороть любое зло...

Мальчик тихо прошептал фразу из только что прочитанной им книги, тогда как вслед за его словами раздался какой-то сдавленный шум, больше похожий на хлопок. Он тут же побледнел пуще прежнего, но тем не менее стискивая зубы до боли сразу же завернул за стеллаж, держа перед собой почти потухшую свечу и дрожащий, даже сильнее пламени свечи меч, замахиваясь им как раз при самом повороте.

— Бу! — Как только мальчик завернул за угол вдруг раздался громкий крик, мгновенно ошеломивший его, отчего свеча и меч тут же выскользнули из его дрожащих рук.

В этот момент он мог только испуганно закричать от страха, тут же падая на колени и хватаясь рукой за сердце. Пот начал заливать его лицо, а дыхание сбилось, отчего казалось, что он может задохнуться в любой момент. Сердце стучало с бешеной скоростью, словно сейчас оно выскочит из груди, тогда как расширенные от ужаса глаза уставились на двух девушек, чьи лица слегка освещала упавшая и уже затухающая свеча. Их громкий, нарочито язвительный смех звучал в его ушах набатным колоколом. Он казался настолько нереалистичным, отчего становилось понятно, что они словно выдавливают его из себя, наполняя ехидством и злорадством.

— Что-то твой священный огонь затухает слишком быстро, Ахерон. — Рассмеявшись, Амелия следом могла только с насмешкой указать пальцем на потухающую свечу, одновременно с этим продолжая ехидно смеяться.

Ни одна из девушек, казалось, не обращала сейчас никакого внимания на самочувствие Ахерона, отчего наблюдая за ними он мог лишь заплакать, тогда как дышать ему становилось все сложнее с каждым пройденным мгновением.

— Ну и чего ты плачешь как девчонка? Уже даже пошутить нельзя. — С упрёком тыкнув в Ахерона пальцем, Камелия в этот момент даже не обращала внимания на его слезы и обиду.

— З-зачем вы т-так со м-мной?! — Зарыдав еще сильнее прежнего, Ахерон мог только уставиться на девушек заплаканными глазами, в то время как слезы лишь продолжали безостановочно литься из них.

Его язык заплетался, ведь страх до сих пор сжимал его своей когтистой рукой, а сердце болело от невыносимой боли, но не столько из-за врожденных пороков и слабости, сколько из-за обиды.

— Как так? Мы просто пошутили! Только попробуешь еще раз маме рассказать какую-нибудь очередную выдумку и в следующий раз не отделаешься так просто!

Не прошло и мгновения, как со следующими словами девушки тут же перестали смеяться, а ехидство их слов сменилось на неприязнь, почти что ненависть. Каждое слово, которое они произносили сейчас в сторону Ахерона, было словно наполнено ядом.

— Именно! Если будешь жаловаться младший братик, то должен понимать, что тебя ждет.

В этот момент Ахерон мог только с невероятной обидой посмотреть на своих сестер, не понимая, как они могли поступить с ним так из-за подобной глупости, ведь он даже мог умереть, не говоря уже о том, что он вообще никому не жаловался. Он хотел было ответить, но его сестры уже начали уходить, даже не собираясь его слушать, от чего он мог лишь проглотить слова, продолжая держаться за сердце и переводить дыхание.

— Ахерон и еще кое-что. — Посмотрев на младшего брата и убедившись, что он обратил на нее внимание, Амелия тут же продолжила говорить, наполняя каждое свое следующее слово особой неприязнью. — Читай свои детские сказки молча, слушать тошно твои убогие фразочки.

Не дожидаясь ответа, девушки следом тут же вышли из библиотеки, с громким хлопком закрывая за собой дверь. Свеча к этому моменту уже затухла, от чего Ахерон мог только остаться сидеть на полу в полной темноте и тихо плакать.

Только спустя несколько минут он наконец смог отдышаться и прийти в себя, с трудом поднимаясь на ноги и вытирая слезы рукавом своей рубашки. Вокруг сейчас была кромешная темнота, но тем не менее он смог найти свой деревянный меч, неспеша поднимая его, тогда как его затуманенный слезами взгляд обратился на свою тонкую, дрожащую от оставшегося страха руку.

— Разве такой как я сможет стать героем...? Разве рука героя будет трястись от страха? — В этот момент в комнате мог лишь раздаться тихий шепот, настолько тихий, что казалось его невозможно было услышать никому кроме самого говорящего.

Слова сестер, казалось, даже сейчас острым ножом вонзались в самое сердце Ахерона, словно бы разрушая его уверенность, что и так была построена из песка. Он мог лишь сжать рукоять своего деревянного меча со всей своей силы лишь бы избавиться от дрожи, но лишь ослабил ее. Казалось, любое, даже самое легкое дуновение ветра способно вновь вырвать меч из его слабой хватки, отчего он мог лишь горько усмехнуться.

— Получится ли и мне стать героем? — Тихо прошептав и покачав головой, Ахерон мог только поднять чашу с потухшей свечой, следом уже направляясь обратно к столу.

Спустя несколько минут окружающая темнота вновь слегка рассеялась светом пламени новой свечи, а сам Ахерон устало уселся на стул. Открытая книга, которую он недавно читал, все еще звала его своей интересной историей, но тем не менее она была со вздохом закрыта и оставлена на столе, томно дожидаясь своего часа.

Недолго думая, Ахерон вновь поднялся, и собрав остальные книги тут же принялся раскладывать их по стеллажам. Остаточный страх все еще давал о себе знать, да и озноб не давал покоя, поэтому закончив убирать книги по местам он собрался уже уходить, когда его внимание вдруг привлекла довольно необычная на вид книга.

— Никогда не видел ее... Из чего сделана эта обложка? — Достав и внимательно осмотрев книгу, Ахерон не увидел ни названия, ни картинок, ни авторов... ничего.

Книга была черной, словно смола, с непонятными подтеками, тогда как материал ее обложки не был похож ни на дерево, ни на кожу, ни на какой-либо металл. Она была просто... странной.

Недолго думая и приняв решение, Ахерон тут же направился обратно к столу, ставя на него свечу и следом усаживаясь на стул. Немедля более и секунды он тут же открыл книгу, однако, к его удивлению, первая страница была полностью пустой и черной. В этот момент он мог лишь негодуяще нахмуриться, следом лишь вновь переворачивая очередную страницу. Тем не менее не прошло и мига, как его лицо уже приняло ошеломленное выражение, ведь вместо привычного текста и стандартных букв перед ним предстали какие-то искаженные и неясные черные символы, словно нацарапанные безумцем в хаотическом порядке. Страница была черной, как и символы, однако их все равно было отчетливо видно, вызывая тем самым словно бы чувство абстрактности.

— Ч-что это...? — Шокировано пробормотав, Ахерон мог только продолжать вглядываться в символы, словно по наитию, когда как странное и непонятное чувство уже начало возникать в глубине его души, а сердце забилось в самом настоящем неистовстве.

Он хотел тут же закрыть книгу, но его руки словно вросли в нее, отчего его лицо могло только исказиться от ужаса, а сам он был способен лишь паникующее закричать. Но как бы там ни было, вместо испуганного и звонкого крика... была лишь гнетущая тишина.

Все звуки словно разом стихли, оставляя после себя лишь далекий хор голосов, что звучал сейчас в ушах Ахерона как некая, первозданная молитва. Не прошло и мига, как из его носа уже потоком хлынула алая кровь, окропляя всю книгу, тогда как спустя очередной миг та уже вся была поглощена роем хаотических черных символов.

Едва кровь сейчас впиталась в жуткую книгу, как та вдруг начала стремительно таять на глазах Ахерона, словно снег под палящим солнцем. Черная, вязкая, словно смола субстанция, бывшая до недавнего времени черной книгой тут же растеклась по его рукам от чего он мог лишь в ужасе застыть, не способный что-либо предпринять.

Словно живое существо, это черное нечто тут же потянулось к его лицу, а сам Ахерон мог лишь продолжать беззвучно кричать от еще большего ужаса, однако даже его громкий и полный отчаяния крик с легкостью перебивался хором тысяч голосов, звучащих сейчас, казалось, по всему миру!

Не прошло и мига, как черная субстанция безумным потоком уже начала вливаться в его рот, уши и глазницы, тогда как хор голосов звучал все громче и громче с каждым пройденным мигом. Казалось, словно весь мир сейчас возносит безумную молитву!

Ахерон сейчас мог лишь чувствовать поистине невероятную боль. Ему казалось, что в него заливают расплавленный металл, от чего он мог лишь беззвучно вопить, в то время как слезы непрерывно скатывались по его лицу. Его сознание начало размываться и лишь только одна последняя мысль успела пронестись в его сознание, прежде чем оно окончательно померкло, унесенное темнотой и мраком.

— Помогите.... Прошу, кто-нибудь... помогите мне...

Глава 2. Ночной кошмар. Часть 1.

Медленно открыв заспанные глаза, Ахерон мог только заскрипеть зубами, тогда как его онемевшая рука то и дело отдавала неприятными пульсациями, а спина протяжно ныла от боли. Его тело, даже слегка окоченевшее от холода, с самого рождения было крайне слабым и сон за столом в библиотеки явно сейчас не подействовал ему на пользу.

К нынешнему моменту даже свеча уже давно потухла, поэтому Ахерона сейчас окружала лишь густая темнота и только в самом конце комнаты сквозь зазор под дверью просачивалась маленькая полоса света, словно ожидавшая того, кто откроет дверь.

— Я.... заснул? — Тихо пробормотав, Ахерон следом мог только неспеша подняться, в то время как в его голове будто была самая настоящая каша.

Воспоминания казались размытыми, и он даже не помнил последние мгновения перед тем, как заснуть. Раньше такого никогда не случалось поэтому это не могло ни показаться сейчас ему ужасно странным. Слегка похлопав себя по щекам, чтобы взбодриться, он уже было направился в сторону двери, как вдруг ужасная боль наполнила его голову. Холодный пот тут же начал стекать по его спине и лицу, а воспоминания возвращались с каждым прошедшим мгновением: Прочтение интересной истории о великом герое, испуг, издевательство сестер и конечно... черная книга. Все воспоминания сейчас словно насильно и разом влезли ему в голову, сменяя сонность — ужасом.

Не прошло и мига, как схватившись за голову, Ахерон застонал от боли. Воспоминания о черной книге, превратившейся в странную, похожую на смолу субстанцию, забравшуюся в него, эхом отдавалось в голове ужасной болью.

— Э-это должно быть был к-кошмар... просто к-кошмар...

В этот момент разум Ахерона мог только пытаться списать все на приснившейся кошмар, но воспоминания, пронесившееся в его голове были ужасающе четкими, а в особенности — невообразимая и мучительная боль.

Страх все сильнее овладевал его сердцем, и даже окружающая темнота казалась все более мрачной, словно наполненная скрытыми ужасами. Слух то и дело улавливал странные звуки, словно галлюцинации, наполнявшие его разум. Даже где-то в дали он то и дело слышался хор голосов, что словно бы воздавал неясную молитву. Тысячи объединенных голосов казались столь тихими, словно место, где они воздавали молитву, находилось очень и очень далеко. Это казалось больше иллюзией оставшегося страха, нежели правдой.

Лишь спустя пару минут боль в голове Ахерона наконец слегка утихла, а сам он спешно поднявшись, направился напрямик по направлению к двери. Сейчас ему то и дело казалось, будто бы из темноты за ним наблюдают бесчисленные глаза... словно по пятам за ним идут самые страшные его кошмары.

Только дойдя до двери он наконец смог слегка расслабиться, тут же протягивая руку к дверной ручке, но даже прежде, чем он успел повернуть ее, его рука вмиг задрожала, а сердце

словно было готово остановиться в любую секунду. Полоса света, что до недавних пор просачивалась под дверь исчезла, заменяя собою длинную... и такую мрачную тень.

— Э-это должно быть кто-то из с-слуг или может быть... м-мама? — Дрожа от ужаса, Ахерон мог лишь пытаться успокоить себя, однако у него едва это получалось, тогда как его зубы лишь продолжали предательски стучать друг об друга.

Он понимал, что там не может быть никого кроме тех людей, которых он знал, но тем не менее его рука не посмела сдвинуться ни на дюйм, как и тень, она оставалась неподвижной даже спустя целую, казалось, бесконечно долгую минуту.

Тем не менее, чем больше времени проходило в этом томительном ожидании, тем сильнее ужас продолжал наполнять Ахерона до самых краев, заставляя его сердце бешено стучать. Воспоминания о черной книге то и дело всплывали в его голове, а хор тысяч голосов, возносящих молитву, казалось становился лишь все громче. Ему казалось, что иллюзорные руки, словно тянущиеся за ним из темноты позади, приближаются все ближе. Он словно чувствовал, как его загнали в угол, но не враги или звери, а кошмар, преследующий его во мраке и темноте.

— П-почему там до сих пор кто-то стоит?! Ч-что это?!

С каждым пройденным мгновением паника все сильнее овладевала сердцем Ахерона, ведь даже по прошествии нескольких минут мрачная и длинная тень за дверью так и не сдвинулась с места. Она даже не шевелилась, словно гора, она лишь непоколебимо стояла за дверью, ожидая пока наконец отворится дверь.

Ахерон же в этот момент боялся даже пошевелиться, ему казалось, что темнота обволакивает его все сильнее с каждым пройденным мгновением. Минуты времени тянулись для него словно долгими часами... пока наконец не раздался голос похожий на рой измученных голосов. Голос ни похожий ни на человеческий, ни на звериный, голос, наполненный лишь злобой и безумием, что олицетворяло собой лишь одно — кошмар.

— МЫ... ЧУЕМ... СТРАХ...

В тот миг, когда прозвучал этот ужасающий голос Ахерону казалось, что он умрет от страха в это же мгновение. Слова существа были неузнаваемы, но что именно они подразумевали он все равно каким-то образом смог понять. Ужас, что он испытал было не передать словами, а его больное сердце билось с такой скоростью и яростью, что казалось оно может остановиться в любое мгновение. Тем не менее оно словно и не могло этого сделать...

— Что это?! Ч-что это такое?! Великая мать помоги мне, избавь меня от зла сущего, молю тебя!

Холодный пот сейчас неистово стекал по спине Ахерона, а его лицо могло лишь искажаться от ужаса. Он медленно начал отступать, беззвучно читая молитву, не смея издать ни единого звука, боясь потревожить нечто, стоящее за дверью. Однако, стоило молитве прозвучать в его голове, как тень за дверью тут же начала искажаться, словно дергаясь в конвульсиях, а шум, проносящийся за ней в этот момент, был похож на стрекот бесчисленных сгустков извивающихся насекомых.

Дверная ручка вдруг щелкнула, а сам Ахерон в этот момент чуть не завопил от ужаса, едва сдерживая себя и продолжая отступать назад, желая лишь успеть спрятаться за шкаф. Когда дверь неожиданно распахнулась он как раз скрылся за ним, тут же залезая на нижнюю пустующую полку. Она была крайне узкой и маленькой, но достаточной, чтобы 9-летний тощий и больной мальчик смог в нее протиснуться.

Но как бы там ни было, дверь уже была открыта... а нечто, что стояло в этот момент в дверном проеме было словно самим олицетворением слова кошмар. Лик, искаженный от боли, страдания и наслаждения улыбался от уха до уха. Глазницы были изъедены бесчисленным роем насекомых, из которых словно бы и состояло это невиданное ранее, сшитое из кусков разных существ нечто. Это был монстр, казалось, которого боялась даже сама темнота. У него было четыре руки, две из которых были настолько длинными, что касались пола, а две другие, выходящие из грудной клетки, были ужасно короткими, пухлыми и детскими. Тем не менее именно они и держали источник света — мрачный сосуд, напоминающий лампу, наполненную бесчисленными глазами убитых им существ и светящимися в бесконечном мраке. Очи эти были, казалось, наполнены ужасами, словно не знающие покоя даже после смерти своего бывшего обладателя.

Ахерон же в этот момент, спрятавшись на нижней полке и прикрыв рот руками, мог лишь продолжать беззвучно читать молитву в надежде на спасение, тогда как слезы уже непрерывно стекали по его щекам. Однако он не смел даже дышать, страшась, что ужасающее нечто, стоящее ныне в дверном проеме сможет услышать его.

К его несчастью, ужасающее существо даже так не медлило, уже начиная неспешно направляться напрямик по направлению к шкафу, в котором тот прятался. Его подобие ног, больше похожее на острые бугры издавало неравномерный стук при ходьбе, тогда как само оно словно переваливалось с ноги на ногу. Даже как шло существо, уже вызывало панический ужас шествующей катастрофы... С каждым шагом оно словно разваливалось на куски, а бесчисленные насекомые падали на пол, спешно стараясь забраться обратно в плоть, через швы своего мрачного господина.

— Великая мать... спаси меня... умоляю вытащи меня из этого кошмара! — Ахерон мог лишь продолжать читать молитву и надеяться на чудо, но стук становился лишь все ближе и ближе к нему... словно знаменуя конец, и новое начало, освещающее темноту своими глазами в лампе ужасного существа.

Не прошло и нескольких мгновений, как через дыру в полке он уже смог увидеть ноги страшного существа недалеко от себя, как и бесчисленных насекомых, копошащихся и ползущих вслед за своим хозяином, словно ужасающий плащ. Просто увидев это, казалось, невообразимой зрелище, страх, испытанный Ахероном в этот момент, был поистине невыразим. Он не просто сковал разум и тело, но и душу...

Испытывая столь невообразимый ужас, Ахерон в этот момент даже не посмел продолжать читать про себя молитву, страшась, что даже это способно привлечь внимание ужасного монстра. Он боялся... он боялся, что даже его мысли будут услышаны...

Тем не менее, едва молитва в мыслях Ахерона перестала звучать, как существо в это же мгновение вдруг неожиданно замерло, словно навеки застыло во времени. Казалось, оно вмиг умерло... утратило жизнь. Но отнюдь... это была бы лишь сладкая ложь, ведь бесчисленные

насекомые то вползающие, то выползающие из множества швов существа доказывали ничто иное... как его вечную, нетленную жизнь! Существо лишь осталось стоять в бесконечном ожидании, когда наконец сможет пожать тех, кто заплутал во мраке...

— Ч-что это за существо?! Как подобное м-может вообще жить?! Как оно могло оказаться здесь... в моем доме?! Что с родителями, где мои сестры?!

Ахерон не понимал, что происходит, дрожа от ужаса он мог лишь продолжать смотреть на ноги существа и бесчисленных насекомых, входящих и выходящих из него. В его голове вертелись бесчисленные вопросы, но ни на один из них не было ответа.

Он продолжал лежать на полке, дрожа от ужаса, страшась пошевелиться, но не дышать он никак не мог, поэтому спустя минуту уткнувшись в руку он наконец вдохнул воздух, внимательно наблюдая за стоящим недалеко существом. Насекомые, казалось, не обращали на него никакого внимания, а само существо не смогло услышать его тихого и сдавленного дыхания, продолжая лишь безмолвно стоять.

Спустя несколько часов существо так и продолжало стоять, тогда как Ахерон уже чувствовал себя истощенным, как никогда ранее. У него не было бы смелости выбраться из-под этой полки, если бы не одно но, а именно то, что насекомых, выползающих из существа, становилось все больше. Они словно бесконечный поток выбирались из монстра, распространяясь все дальше и дальше. Казалось... им нет конца.

— Если продолжу тут лежать насекомые сожрут меня заживо или благодаря им монстр точно меня увидит... Мне нужно выбираться, как бы страшно это ни было. — Ахерон пытался собраться с мыслями, но его тело продолжало непрерывно дрожать от ужаса, не способное пошевелиться. — Соберись, Ахерон, прошу... соберись...

Только спустя несколько минут, собрав всю свою разбитую в пух и прах смелость, Ахерон наконец начал медленно и неспешно выбираться, стараясь не издавать ни единого звука.

Его сердце сейчас билось с такой яростью, что он боялся, как бы монстр не услышал его стук, но выхода не было, оставалось лишь двигаться дальше. Существо все еще стояло за шкафом, поэтому выбравшись, он был вне его поля зрения... если такое понятие вообще было присуще подобному чудовищу.

Продолжая аккуратно шагать в темноте, Ахерон вскоре уже обошел шкаф и заглянул через его край на другую сторону и только тогда он наконец увидел со спины ужасающее нечто в полном его обличье. В его глазах тут же потемнело от испытываемого им ужаса, а живот скрутило в рвотном позыве, но сдержавшись, он все же сумел отвести взгляд. Даже вспоминать об этом монстре было для него испытанием, ведь настолько отвратительным и изуверским он был.

— Т-такого не может быть... такого просто не существует! Я сплю! Я сплю! Мне не бежать от него... от такого невозможно сбежать... невозможно...

Ноги Ахерона тут же подкосились, а сам он бесшумно присел, не способный даже стоять от испытываемого им ужаса. Вид этого монстра казалось способен сокрушить даже волю великого героя. В рассказах, которые он читал... даже в них не было столь ужасного существа...

— М-мне не сбежать... Великий герой Раймон... даже он не одолел бы подобного монстра... А можно ли вообще одолеть нечто подобное?

Просидев еще несколько минут Ахерон смог вновь взять себя в руки и набравшись смелости снова заглянул за шкаф, однако, к его еще большему ужасу, монстра там уже не было...

Глава 3. Ночной кошмар. Часть 2.

Когда Ахерон увидел пустующее место, занятое до недавнего времени отвратительным монстром, его сердце тут же пропустило удар. Ему казалось, что тот наблюдает за ним из тени, но оглядевшись он не заметил света лампы, что держали маленькие ручки существа. Даже хор далеких голосов, что беспрерывно воздавал молитву начал отдаляться с каждым пройденным мгновением, а вскоре так и вовсе исчез. Даже бесчисленные насекомые, что всюду позли вмиг исчезли... как и исчез их бесконечный, ужасающий и наполненный голодом стрекот.

— Вмиг стало так тихо... Совсем ничего не слышно. Н-неужели монстр ушел? — Испуганно размышляя, Ахерон наконец смог хотя бы слегка расслабиться, тогда как тишина сейчас словно окутала его своим блаженным саванном.

После нескольких часов, поющих в его голове множеством голосов, как и ужасающем стрекотом копошащихся полчищ насекомых тишина казалась крайне непривычной... даже немного пугающей.

— Надо кого-нибудь найти... хоть кого-нибудь... — Дрожа от страха, Ахерон следом мог только на подкосившихся ногах шаг за шагом приблизиться к двери.

Выглянув в коридор и не заметив ничего необычного, он мог только неспешно и осторожно направиться в сторону кабинета своего отца. Поместье, в котором он жил было не маленьким и путь предстоял не близкий, не говоря уже о том, что по нему ходило столь ужасное чудовище, без сомнения против которого у девятилетнего мальчика не было и шанса.

Спустя несколько минут ходьбы Ахерон уже прошел часть пути и дошел до комнаты своих сестер. Он хотел пройти мимо, но попросту не смог, лишь подходя к двери и прислоняясь к ней ухом. К сожалению, единственное, что он слышал была только мрачная, всеобъемлющая тишина.

Тем не менее даже так, он лишь продолжая вслушиваться, в надежде уловить голоса своих сестер, что как и он, смогли спрятаться во всем это кошмаре. Однако спустя целую минуту тишины, когда Ахерон уже хотел отойти от двери, он вдруг смог услышать неожиданный и тихий, но такой знакомый голос, звучащий, казалось, прямоком за дверью.

— Братик... помоги мне... прошу тебя... — Едва неожиданный и умоляющий голос Амелии раздался с другой стороны двери, как кровь тут же отхлынула с лица Ахерона, а сам он мог лишь ужасно побледнеть.

Резко отстранившись от двери, он мог лишь задрожать, тогда как слезы уже вмиг потекли из его глаз. Его протянутая к дверной ручке рука сейчас неистово дрожала, словно осиновый лист на безжалостном ветру, но она так и не посмела отворить роковую дверь. Казалось, убрав ухо от двери он должен был вновь вернуться к пугающей тишине, но отнюдь, хор голосов, возносящих молитву и голос мольбы сестры лишь продолжать звучать в его голове набатным колоколом.

— Прости меня... прости меня... прости меня... — Ахерон мог только горестно плакать, тогда как его сердце, казалось, сжималось от неистовой боли.

Мольбы сестры вскоре переросли в ужасающие крики, но он так и продолжал стоять, лишь бессильно рыдая. Хор голосов, казалось, уже ревел у него в голове, а вместо тысяч, словно воспевали миллионы...

— Я трус... я лишь жалкий трус...

Плача и сжимая рукой стучащее от боли сердце, Ахерон следом окончательно отстранился от двери, направляясь дальше по коридору. Чем дальше он отходил, тем сильнее тишина вновь окутывала его, пока голоса и вовсе не исчезли.

Лишь спустя несколько минут, когда Ахерон уже ушел далеко вперед, дверь наконец отворилась, а прямо на пороге стояло ужасающее многоликое чудовище. Каждое из его бесчисленных лиц было наполнено страданиями и болью, твердящие из раза в раз лишь свои предсмертные речи. И среди этих сотен утерянных во мраке лиц, было одно особенно прекрасное, твердящее лишь одно:

— Братик... помоги мне... прошу тебя...

В этот момент Ахерон мог только продолжать идти к кабинету своего отца, рыдая от печали и невероятной боли в сердце. Он ужасно ненавидел себя... но сейчас он мог лишь снова и снова проходить перед различными дверями поместья, тогда как знакомые голоса оттуда то и дело взывали к нему, прося о помощи, спасении, а порой и смерти...

Они молили, плакали и страдали. Ему казалось, что он попал в ужасный кошмар, из которого выхода найти ему уже не суждено. Каждый раз голоса звали его... и каждый раз он лишь проходил мимо. С каждой пропущенной им дверью, с каждым узнаваемым и игнорируемым им голосом ему казалось, что он теряет частичку своей собственной души. Он так хотел найти хоть кого-нибудь, и казалось найдя... он лишь прошел мимо. Блуждающий во мраке, окруженный ужасающими монстрами, что мог сделать девятилетний мальчик? Мог ли вообще что-то сделать даже великий герой?

Лишь спустя несколько минут, казалось, невероятных страданий, Ахерон наконец смог увидеть дверь в кабинет своего отца, в свою очередь подходя к ней как можно быстрее. Тем не менее страх, ужас и раскаяние лишь продолжали окутывать его тело и разум. Он так боялся... он боялся, что даже здесь он услышит те же самые мольбы о помощи. Но ему попросту больше ничего оставалось, а потому не прошло и мгновения, как его ухо уже в следующий миг прислонилось к двери... К счастью, не было ни просьб о помощи, ни стонов... не было слышно даже далекого хора голосов, вынужденного возносить, казалось бы, вечную молитву.

— Тишина...

Ахерон не знал радоваться ему или наоборот пугаться, но выбора у него все равно не было, поэтому уже в следующее мгновение его рука коснулась дверной ручки и отворила дверь. Сердце билось как сумасшедшее, казалось в бесконечном ожидании, тогда как спустя миг легкий, неожиданный скрип уже раздался от двери. Он мог только с ужасом обернуться, но позади него была все та же темнота и мрак, как и эхо уже далекого скрипа...

Вспомнив о том, что дверь уже скорее всего открылась Ахерон тут же испуганно взглянул обратно, но кроме темноты не было видно больше ничего. Далекий хор голосов вновь начал

звучать в его голове, поэтому зайдя в комнату отца он тут закрыл за собой дверь, отчего хор следом уже начал медленно отдаляться.

— Никого нет... Неужели я остался один... Н-но как... что тогда происходит снаружи... в мире?

Ахерон не понимал, что происходит, как и не знал, что ему делать. Заснув в библиотеки и открыв глаза, он очутился в самом ужасном своем кошмаре. Но разве бывают такие сны? Разве может он сейчас спать и блуждать в приснившимся ему сне?

— М-может я и впрямь сплю? Может все это просто кошмар... Н-но как... как мне проснуться?

Немедля, Ахерон следом тут же обошел всю комнату, но в ней не было ничего особенного, а все предметы находилось там же, где и всегда, без каких-либо изменений. Лишь темнота и мрак отличали эту комнату от той, что он помнил. Неспеша, он следом мог только подойти к столу, на котором его отец постоянно вел какие-либо заметки, но когда он увидел, что лежало на нем, то его сердце упало, а лицо мигом побледнело.

Его голова загудела от боли, а хор голосов вмиг зазвучал в ушах так, как никогда ранее. Среди кипы бумаг и книг, лежала абсолютно черная книга... она выглядела такой простой, даже обычной, но это казалось лишь внешним фасадом, ведь он чувствовал, что от нее так и исходят мрак и кошмары.

— Эта книга... неужели прочитав ее я попал в этот кошмар... или же открыв ее она выпустила кошмар во весь мир? М-может попробовать вновь ее прочесть... — Ахерон мог только панически раздумывать, что ему делать, в то время как за дверью уже раздавался тихий шепот, становящийся с каждым мгновением лишь громче... что-то приближалось.

Звук копошащегося роя насекомых становился лишь все громче, а мольбы бесчисленных людей сливались в ужасную какофонию звуков. Тусклый свет начал пробиваться под дверью, тогда как терпкий, липкий ужас уже начал сковывать сердце...

— О-они идут! Ч-что мне делать?! Как спастись?! — Паника сейчас вмиг овладела сердцем Ахерона, а оно само билось как сумасшедшее, словно готовое разорваться от испытываемого им страха. — Помогите! Кто-нибудь помогите мне!

Ахерону казалось, что на протяжении всего этого времени его сердце давно уже должно было разорваться от перенесенного им ужаса, но тем не менее этого так и не случилось. Как бы сильно оно ни билось, оно все равно продолжало стучать дальше. Тело трясло от ужаса, а глаза, наполненные отчаянием, смотрели лишь на единственную вещь, казалось способную ему помочь — черную книгу.

— М-может если я прочту ее... м-может тогда... я вернусь обратно?

Подойдя к книге, Ахерон мог только протянуть к ней руку, и лишь сейчас, приблизившись ближе и под тусклый свет, проносающийся под дверью и отражающийся от окон, он смог увидеть стол своего отца в деталях. Стол каким он его помнил был идеально отполирован, но

поверхность этого была забита нацарапанными, словно в приступе безумия каракулями, среди которых фигурировало лишь два единственных слова — НЕ ЧИТАЙ.

— Н-но как...? Что...?

Необъяснимый страх сейчас сковал сердце Ахерона железными цепями, а протянутая рука остановилась, однако времени на размышления у него уже не было. Дверная ручка закрипела, а дверь была готова отвориться в любой момент, впуская внутрь комнаты весь ужас, стоящий снаружи.

— Я-я не могу... я же просто... просто трус... — Заплакав, Ахерон мог только схватить книгу, быстрым движением открывая ее... тогда как в этот момент весь мир словно замер.

Дверь так и осталась закрытой, хор голосов исчез, и даже свет, проходящий под дверью, мгновенно пропал. В этот момент, казалось, все обратилось в ничто, оставляя лишь маленький одинокий силуэт, как и книгу в его руках.

Посмотрев на открытую страницу книги Ахерон увидел лишь все те же самые непонятные символы, однако сейчас он понимал значения каждого из них. Он хотел отложить книгу, но не мог. Он хотел не читать, но смысл слов и символы, словно имели свою собственную волю, вливая в него свои сокровища во мраке истины. Сознание начало потухать, а глаза закрываться и спустя несколько минут все вмиг померкло.

Глава 4. Поместье Алетеев. Часть 1.

Ахерону сейчас казалось, что он плывет в нескончаемой темноте, а времени будто бы и не существовало вовсе. В один миг казалось, прошел лишь час, тогда как в другой было ощущение пролетающих лет. Его потухшее сознание заснуло, словно беспробудным и нескончаемым сном.

Спустя может быть миг, а может и вечность вдалеке показался лучик света, словно зовущий его. Он казался ужасно далек, но одновременно с этим передавал чувство необъяснимой близости и теплоты.

— Очнись... прошу... очнись...

Далекий, но такой теплый и знакомый голос сейчас непрерывно звал Ахерона, отчего даже его глаза хотели открыться, а душа тянулась туда. К сожалению, темнота словно не желала отпускать его, цепляясь за него своими мрачными кошмарами.

— Умоляю... ты должен проснуться...

Голос становился все громче, вырывая сознание Ахерона из блаженной тишины, отчего даже его глаза на миг слегка приоткрылись, казалось, словно налитые свинцом.

— Зачем кто-то зовет меня? Так хочется спать... — Едва эта мысль пролетела в голове Ахерона, как его сознание вновь начало отдаляться, а глаза устало закрываться.

Темнота была такой уютной, спокойной и убаюкивающей, а голос, исходящий от проблеска света казался, пусть и близок душе, но так бесконечно далек... А он ведь так устал...

— Прости меня сынок... прости меня... я должна была лучше следить за тобой... прости свою глупую мать...

Не прошло, казалось, и мига, как громкие женские крики вскоре сменились лишь тихим и плачущим шепотом, однако в потухающем сознании Ахерона они прозвучали словно раскаты грома. Его глаза мгновенно распахнулись, а в голове вмиг пронеслись все воспоминания о прожитом им кошмаре.

— Я должен проснуться!

Ахерон словно чувствовал, что ему нужно делать, ведь голос родного человека вел его сквозь мрак. Он немедленно устремился всей своей волей к далекому проблеску света, приближаясь к нему со стремительной скоростью, ныряя в него спустя казалось лишь миг, оставляя позади тьму и мрак, бесконечно тянущуюся вслед за ним.

В этот момент глаза Ахерона устало открылись, а сам он тут же заметил свою плачущую мать, трясущую его, словно куклу, которой обрезают нити. Непонимание и испуг немедленно овладели им, вмиг убирая всю сонливость, отчего он тут же вскочил с кровати, панически вертя головой в разные стороны.

— Ахерон... Слава великой матери! — Крепкие объятия тут же обхватили Ахерона, а слезы намочили его и так промокшую от холодного пота рубашку. — Я так испугалась! Мой глупыш... мой маленький глупыш...

Сейчас Ахерон мог лишь растерянно смотреть по сторонам, тогда как Сильва в свою очередь уже тихонько плакала от радости, не осмеливаясь отпустить сына из своих крепких объятий даже на краткий миг, словно если отпустит, то тот снова может заснуть беспробудным сном.

— Почему ты не просыпался? Скажи, что случилось? — Вытерев слезы, Сильва могла только взглянуть в непонимающие глаза сыну, ведь страх за него до сих пор терзал ее. Может он и проснулся, но произошедшее все равно было далеко не нормальным.

— Я-я не знаю... кажется... мне снился очень долгий кошмар...

Ахерон не знал, что ему снилось, но он чувствовал, что это был кошмар. Он ощущал себя так, словно вместо сна он работал без отдыха всю неделю, а необъяснимый страх, казалось, даже сейчас преследовал его. Однако пытаясь вспомнить хоть что-нибудь воспоминания ускользали от него, как вода сквозь пальцы, а голова начинала раскалываться от невыносимой боли.

— Это всего лишь кошмар, Ахерон... всего лишь обычный кошмар.

Видя испуг и страдания сына, Сильва могла лишь вновь крепко его обнять, так и продолжая сидеть с ним в течение нескольких минут, боясь даже отпустить.

— Да, всего лишь кошмар...

Спустя некоторое время, узнав о самочувствии своего сына из письма, доставленного вороном, Демиан Алетей тут же взял самую быструю лошадь и незамедлительно помчался обратно в свое родовое поместье. Многие часы у него занял галопом путь обратно, в течение которых ему даже не раз пришлось сменить свою лошадь, когда та уже валилась от усталости и изнеможения.

До недавних пор он находился на самой южной границе перед туманными полостями, охраняя порученную ему территорию. Его усталое от долгой поездки лицо тем не менее выражало твердость воли и духа, а меч, лежащий в ножнах на поясе, выглядел почерневшим от крови. Его лицо было покрыто легкой щетиной, которая тем не менее не скрывала полученные им в бою многочисленные шрамы. Волосы, такие же черные как вороное крыло были обвязаны нитью и едва касались плеч, а доспехи, в которые он был одет, были исцарапаны клинками и когтями, доказывая не одну битву, пройденную своим обладателем.

Несколько слуг в этот момент уже столпилось у ворот поместья, дабы к прибытию Демиана помочь ему снять с себя доспехи и в свою очередь быть готовыми к любым возможным указаниям. Узнав, что никаких проблем в данный момент с сыном нет, Демиан мог только неспешно умыться, переодеться и уже после направиться в общий зал, где к тому моменту находилась уже вся семья.

Сильва сейчас была одета в синее платье, такое же яркое и ясное, как и ее голубые глаза. Ее длинные, светлые волосы струились вниз по плечам, тогда как при виде мужа ее лицо озарила ослепительная улыбка, тем не менее омраченная недавними событиями. Ей было уже 36 лет, однако красота ее была в самом расцвете.

Амелия и Камелия сидели недалеко, неспешно наслаждаясь десертами. Они были близняшками и внешностью полностью пошли в мать, отчего имели такие же светлые волосы и голубые глаза. В данный момент они казались такими же беззаботными, как плывущее в небе облачко. Казалось, произошедшее с братом их ни капли не заботило, и если бы не уважение, которое они вынуждены были оказать приехавшему отцу их бы не было и здесь.

Ахерон же в этот момент мог только устало сидеть возле матери, тогда как черные мешки под его глазами и ломящееся от усталости тело и так говорило более чем обо всем. Хотя он и мог остаться лежать в кровати, но тем не менее сам решил встретить отца, которого не было в поместье уже довольно долго. Из-за подконтрольной ему территории на юге тот приходил домой очень редко, а когда приходил все время работал, после чего лишь вновь уезжал.

Демиан же, зайдя в комнату в свою очередь немедля обнял жену и детей, после чего усевшись принялся расспрашивать о произошедшем, попутно с этим набивая живот уже поданной слугами едой. Ахерон совсем ничего не помнил, поэтому в основном говорила лишь Сильва.

— Я зашла в библиотеку, а Ахерон в этот момент лежал на полу, весь холодный и бледный. Я начала его будить, но он совсем не откликнулся. Я уже подумала, что он... он... — Про-

долгая тяжело говорить, Сильва на деле едва сдерживала слезы, то и дело запинаясь на каждом слове, отчего Демиан мог лишь прервать ее, ласково обнимая и не заставляя продолжать.

История и так была понятна, ведь Ахерон с самого рождения страдал от уникальной в своем роде болезни. Его тело и органы были крайне слабыми и с каждым годом его иммунитет ко всему лишь продолжал ухудшаться. Сколько бы он и Сильва не пытались вылечить его или найти исток болезни, все было впустую. Несколько лучших лекарей в королевстве обследовали его, но даже они никогда не видели ничего похожего. Спустя несколько лет эта болезнь получила официальное название — Увядание бессильного, тогда как сам Ахерон единственный, заболевший ею. Уникальный случай во всем королевстве и даже за его пределами. Многие лекари прогнозировали ему смерть еще даже до совершеннолетия, чего он сам конечно же не знал, однако его родители никогда не смели опускать руки. Даже отец, что находился в постоянных битвах никогда не прекращал поиски возможного лекарства.

— Я уже вызвала лекарей дорогой, они вскоре должны прийти и осмотреть Ахерона. — Объяснив ситуацию, Сильва могла только кратко высказаться, тогда как Демиан в свою очередь уже перевел взгляд на сына, заваливая его вопросами.

Ахерон же в этот момент чувствовал себя немного неловко от всего этого внимания, однако он понимал беспокойство родителей и рассказывал все как есть, стараясь ничего не скрывать, кроме разве что подлого поступка своих сестер. Все же ругань это последнее, что он хотел сейчас видеть и слышать.

За неспешным разговором незаметно прошло около получаса и в поместье уже прибыло несколько вызванных ранее Сильвой лекарей, тогда как слуги незамедлительно направились их встречать, дабы проводить внутрь.

— Мам, пап можно мы уйдем? Все равно же мы не нужны здесь. — Чуть ли не зевая от скуки, Амелия с Камелией могли только жалобно бросить взгляды на родителей, не желая оставаться в этом скучном месте и минуты больше.

Сильва же в этот момент могла только недовольно взглянуть на дочерей, видя их безучастное к брату отношение, однако даже прежде, чем она успела что-либо сказать, Демиан уже дал им свое разрешение, даже не обращая внимания на хмурое выражение лица жены.

— Идите, но вы должны впредь внимательно следить за своим братом. Вы же знаете, что у него серьезные проблемы со здоровьем.

Кивая на каждое слово отца, Амелия с Камелией уже в следующее мгновение выбежали из гостиной, словно лишняя секунда проведенная здесь была для них невыносима.

— Ну да, будут внимательно следить за мной из темноты, чтобы напугать... противные. — Наблюдая за сестрами Ахерон мог лишь усмехнуться.

Хотя он не помнил ничего после того, как довольно странно заснул, однако воспоминания о том, как его собственные сестры напугали его и бросали издевки были такими же свежими, как только что вытасченный из печи хлеб. Подобное было не впервой поэтому он мог испытывать к ним лишь легкую неприязнь. В отличии от них старший брат был наоборот очень заботливым и любящим.

— Пап, а Маркус остался на юге? — Взглянув на отца и вспомнив своего старшего брата Ахерон не мог ни спросить, немного сожалея, что тот очевидно не смог прибыть вместе с ним.

— Верно. Мне пришлось покинуть свой пост, поэтому меня в любом случае ждет формальный выговор от виконта, но оставшись там, Маркус по крайней мере присмотрит от моего имени. Ты бы видел, как он рвался сюда, чтобы проверить тебя. Почти места себе не находил. Я с трудом убедил его остаться. — Слегка потрепав Ахерона по голове, Демиан следом уже повернулся в сторону дверей в зал, куда буквально только что вошли несколько мужчин и женщин, одетых в белые халаты.

После слов отца Ахерон мог только почувствовать тепло в груди. Его брат действительно всегда был самым что ни на есть образцом для подражания. Он никогда не завидовал ему,

наоборот, лишь восхищался им. Его старший брат чем-то был похож на героев, о которых он сам любит постоянно читать. Не такой великий, но без сомнения такой же надежный.

— Мы думали вы до сих пор на юге, барон Демиан. Для нас честь быть гостями в вашем поместье и быть встреченными в поместье лично вами. Огорчает лишь причина этого. — Договори́в, двое мужчин и женщин тут же поклонились Демиану, а после и Сильве с Ахероном.

Все они носили белые халаты, а на их груди находились небольшие бронзовые жетоны. Вся эта четверка принадлежала к низшему духовенству и находилась в иерархии ниже, поэтому их отношение к барону было особо почтительным, а действия соблюдали все правила и нормы этикета.

Услышав лекарей, Демиан мог только слегка кивнуть каждому присутствующему в ответ, следом уже описывая во всех подробностях что именно произошло, в то время как они уже то и дело что-то черкали в своих записных книжках. Спустя несколько минут обговорив и получив кивок от хозяина поместья, они тут же подошли к Ахерону.

— Ваша милость, нам нужно осмотреть вас, и пожалуйста будьте так добры ответить на все наши вопросы, касающиеся вашего здоровья. В том числе возможным причинам, связанным с его изменением.

Услышав серьезные слова мужчины, Ахерон мог только немного неловко и даже испуганно кивнуть, после чего лекари начали внимательно осматривать каждый дюйм его тела, то и дело задавая различные вопросы и проводя тесты. Сильва к этому моменту уже вышла в другую комнату, потому здесь остались лишь лекари и сам Демиан.

Спустя около часа все вопросы были заданы, а сам Ахерон тщательно осмотрен. Он хотел скрыть то, что сестры напугали его, но он был молод и не хитер, под тяжелым взглядом лекарей и отца, ему пришлось рассказать, что произошло во всех подробностях, от чего к концу рассказа лицо Демиана уже было красным от ярости.

— Барон Демиан, ответ, казалось нашел сам себя, не нужно слишком много думать, чтобы понять причину произошедшего. Организм Ахерона изначально крайне истощенный и нуждается в постоянном уходе и отдыхе. Прошу вас заметить, что стресс просто непозволителен и возмутителен, тогда как пугать ребенка с такими пороками, как у него является абсурдом, который может привести даже к летальному исходу. Это просто чудо, что он очнулся, а последствия не дали о себе знать. Вам нужно принять меры в отношении двух уважаемых леди. — Поняв причину произошедших абсурдных событий, лекари могли только трещать наперебой, и лишь выговорившись они смогли немного успокоиться. — Насчет лекарств, то пожалуйста примите это и пусть его милость соблюдает все в точности написанного.

Закончив говорить, один из лекарей следом уже достал несколько исписанных листов и вручил их прямоком в руки дрожащему от ярости барону, настойчиво объясняя рекомендации.

Тем не менее сам Демиан сейчас мог лишь продолжать испытывать все более сильный гнев, что разгорался в нем с каждым мгновением все сильнее. Он бы никогда не подумал, что его дочери могут так поступить, вредя брату и позоря его, а ведь он не единожды напоминал им, с какой заботой они должны относиться к Ахерону. Чего уж там... буквально только что он вновь об этом говорил, и они согласно кивали на его слова.

— Благодарю вас всех за помощь, но боюсь сейчас мне нужно заняться делами. Слуги проводят вас и в случае чего удовлетворят ваши просьбы. — Взяв листок и кивнув лекарям на прощание, Демиан следом тут же направился в комнату, где сейчас находилась Сильва.

Лекари же в свою очередь не собирались больше оставаться здесь, поэтому уточнив некоторые вопросы со слугами они следом уже направились обратно к карете, ожидающей их снаружи поместья.

Глава 5. Поместье Алетеев. Часть 2.

Сейчас походка Демиана была твердой и уверенной, как и всегда, тогда как лишь сжатые кулаки показывали его настоящие чувства, как и ярость, сдерживаемую им. Ахерон же в свою очередь лишь медленно шел вслед за отцом с поникшей головой, словно бы уже предвещая будущие семейные проблемы, которые он совсем не желал видеть.

В этот момент в другой комнате Сильва могла только панически ходить из одного угла в другой, в то время как одна из служанок пыталась всячески ее успокоить, предлагая присесть и выпить только что приготовленного травяного чая. Однако она лишь продолжала ходить туда-сюда, а ее походка была ужасно нервной, ведь переживания о диагнозе сына попросту не давали ей покоя. Едва увидев, как Демиан и Ахерон вошли в комнату она тут же направилась к ним, а заметив сжатые кулаки мужа забеспокоилась еще сильнее прежнего.

— Дорогой, что случилось? Что сказали лекари? С Ахероном все будет хорошо? — Обняв сына и легонько поглаживая его по голове Сильва все никак не могла расслабиться, начиная задавать вопросы наперебой.

Глядя на поникшую от беспокойства жену, Демиан слегка успокоился, и чтобы не пугать ее еще сильнее, решил объяснить все тихо и спокойно. Он тут же подал знак рукой, и все слуги следом уже немедленно удалились из комнаты, закрывая за собой дверь с обратной стороны.

— Это все девочки, они напугали Ахерона пока он читал в этой треклятой библиотеки. Лекари сказали из-за этого у него произошли какие-то сбои в сердце или что-то подобное, отчего случился паралич. — Демиан пытался говорить спокойно, но натура воина давала о себе знать, отчего его голос непроизвольно повышался. — Я же велел давно запереть библиотеку, Ахерон, что ты опять там делал?

— Ахерон, ну зачем ты снова стащил ключ и пошел туда? — Негодующе прошептав, Сильва лишь вздохнула от усталости, поддерживая мужа, ведь Ахерон уже не впервые делает это, вызывая тем самым у нее самую настоящую головную боль. — И это правда? Камелия и Амелия действительно напугали тебя?

Задав вопрос, Сильва в этот момент не могла не быть немного скептической. Она знала, что девочки ведут себя порой бессовестно, но она с мужем не раз говорили им о состоянии Ахерона, строго настроив запрещаая им как-либо над ним шутить.

— Проклятие, Сильва, что правда, а что нет уже выяснено!

Не сдержав ярость, Демиан тут же ударил рукой по столу, от чего Сильва сразу же замолчала, а Ахерон еще даже не успевший кивнуть на слова матери, слегка дернулся от неожиданности.

— Простите... не знаю, что на меня нашло. — Поняв, что переборщил, Демиан мог лишь проклинать в душе свою несдержанность, переводя взгляд на дверь комнаты. — Августо, сейчас же приведи сюда девочек и как там ее... Луизу эту.

Едва Демиан негромко крикнул, как уже в следующий миг в комнату тут же вошел дворецкий поместья, одетый в чистый черный костюм. Его серьезное лицо и гладкие усы, слегка старили его, отчего он выглядел немногим взрослее, чем есть на самом деле.

— Милорд, я сейчас же позову двух миледи. — Немедленно кивнув и немного подумав, Августо следом уже продолжил говорить. — На счет Луизы, то у нас в поместье таковой нет, а вы, наверное, имели в виду - Лису, служанку, что следит за Ахероном. Сейчас я и ее позову.

На слова дворецкого Демиан лишь махнул рукой, а Августо в свою очередь отвесив идеальный полон тут же вышел обратно за дверь, начав раздавать приказы слугам.

Спустя несколько минут к двери уже подошли недовольные Амелия и Камелия, чей вид вызывал лишь крайнее негодование, словно их отвлекли от важнейшей работы. Глаза же при-

сутствующей и стоящей недалеко от них Лисы были наполнены одним только сдерживаемым страхом.

— Милорд. Миледи прибыли, как и...

Прежде чем Августо даже успел договорить дверь вдруг распахнулась, а Камелия с Амелией тут же вошли в комнату, всем своим видом показывая недовольство. Не прошло и мига, как вслед за ними опустив голову вошла и служанка Лиса, с лица которой в этот момент не сходила маска затаенного страха.

— Папа, ну что опять? Мы были заняты важными делами...

— А ну замолкла! Вышли и зашли как подобает! Сейчас же! — Перебив Амелию, Демиан мог лишь закричать настолько громко и резко, что даже чайный сервиз, стоящий неподалеку неистово зазвенел.

Едва услышав громкий крик отца, недовольство сразу же испарилось с лица двух девушек, заменяя собой обиду и затаенный страх. Они уже не помнили, когда последний раз он кричал на них, поэтому для них это было крайне непривычно. Тем не менее они не посмели сказать что либо, лишь молча выходя обратно за дверь. Лиса же в отличии от них при крике главы семейства подпрыгнула от страха и чуть ли не первой выбежала за дверь.

— Милорд. Миледи и Лиса прибыли, как вы...

— Пусть войдут! — Очередной крик Демиана в этот момент мог лишь вновь прервать, казалось, отрепетированную речь дворецкого, однако его лицо не изменилось ни на дюйм.

Открыв дверь, Августо тут же пропустил девушек, после чего закрыв за собой дверь и раздав указания слугам велел им расходиться и заниматься делами поместья, тогда как сам остался стоять за дверью.

В этот момент Амелия и Камелия могли только негодующе встать посреди комнаты, внимательно глядя на отца, тогда как их взгляды лишь иногда мельком пробегали по Ахерону. Конечно, они понимали предполагаемую причину гнева отца, поэтому не выражали в отношении младшего брата каких-либо эмоций на данный момент.

— И как все дошло до этого... еще и Лису теперь накажут. Надо сказать отцу, что она здесь ни при чем. — Мрачно размышляя, Ахерон мог только негодующе покачать про себя головой.

Лиса была единственной кто был небезразличен ему из этой троицы в данной ситуации. Хотя сестер он тоже любил, но раз уже все выяснилось, то наказание для них явно не будет лишним. Может хоть тогда они наконец перестанут вредить ему?

Обязанностями же Лисы было следить за ним, поэтому он был уверен, что у нее найдется причина в этот раз, а там уже и он сам замолвит за нее слово перед отцом.

— Начнем с тебя. — Махнув рукой в сторону Лисы, Демиан тут же продолжил. — Твоя задача следить за моим сыном, так почему он находился один в закрытой библиотеки? Где ты была и что ты делала?

Глаза Лисы после слов барона стали наполнены, казалось, еще большим испугом, ведь она понимала... даже найдя какую-либо причину это не отменит ее проступка, тогда как наказание в любом случае будет ожидать ее.

— Я-я искала его милость, но так и не смогла найти. Я спросила... — Остановившись на мгновение Лиса могла только бросить вынужденный короткий взгляд на Камелию и Амелию, продолжая говорить. — Я спросила у двух миледи, и они сказали, что его милость находится в саду. Там я его и искала все то время...

Выслушав слова служанки до самого конца, Демиан мог только подняв бровь бросить взгляд на своих дочерей. Очевидно, он понимал, что именно они оказались во всем повязаны,

ведь простая служанка не посмела бы играть в подобные игры, тем более с ним. Даже уже зная ответ, который он получит, он все равно не мог не спросить:

— Амелия, Камелия, это правда? Учтите, если соврете, то вам будет только хуже. — Строго произнеся, Демиан мог только жестко посмотреть на дочерей, всем своим видом давая понять, что им лучше говорить правду и не врать.

Под таким взглядом отца, Камелия, казалось, на миг заколебалась с ответом, однако Амелия в свою очередь не медлила и секунды, сразу же опровергая слова Лисы.

— Это ложь! — Амелия сейчас могла только воскликнуть словно в праведном гневе, тогда как Камелия, перестав колебаться тут же подхватила слова сестры.

— Верно, это лживая прислуга клеветает на нас!

— Папа, они врут! Лиса бы не стала лгать при таких обстоятельствах! Они сами все спланировали, и сказали ей про сад, чтобы она не смогла помешать им напугать меня... кх-кха! — Услышав слова сестер и поняв, что пора сказать хоть что-нибудь Ахерон мог только вмиг собрать всю свою смелость и на одном дыхании сказал все так, как считал правильным, отчего к концу предложения даже закашлялся.

Все-таки было очевидно, что Лиса не посмеет ни с кем пререкаться. Хорошо уже то, что она решила сказать правду, поэтому он решил, что более подходящего момента заступиться за нее просто не будет.

— Ахерон отдышись, все хорошо. Отец разберется сам, поэтому лучше просто не лезь. — Тут же присев рядом с сыном, Сильва могла только торопливо налить ему травяного чая, одновременно с чем аккуратно поглаживая по спине. Все же сейчас ему строго настрого запрещалось нервничать.

Кивнув на слова матери и выпив травяного чая, Ахерон тут же почувствовал себя немного лучше и успокоился, тогда как смотря на происходящее, Камелия и Амелия лишь все сильнее начинали беситься. То, что их хотят наказать за какую-то глупую шутку, а в этот момент их младший брат купается в тепле и ласке раздражал их больше всего на свете.

— Не удивительно, что ты на стороне этой лживой обслуги! Еще называешь нас своим братом?! Может она оказывает тебе особые услуги, чтобы ты прикрывал ее ошибки? Слизняк! — Не сдержавшись, Амелия тут же начала выплескивать одну грязь за другой, поливая ею, как служанку, так и брата.

В этот момент Сильва могла лишь строго смотреть на дочь, в то время как Демиан мог лишь покачать головой, словно бы сожалея, что недостаточно хорошо воспитал ее.

Тем не менее не прошло и мига, как устав слушать подобный фарс от юной леди, Демиан уже немедленно подошел к Амелии, следом влепя ей хлесткую пощечину, от удара которой она даже слегка отшатнулась, а ее глаза мгновенно наполнились шоком, обидой, болью и слезами.

— Ты будешь следить за своими словами, и не только в моем присутствии! Я не позволю позорить мой чин и титул подобными выражениями! Не пока я жив, тебе ясно?!

После слов отца, Амелия могла только с обидой и даже яростью посмотреть на него, продолжая держаться за покрасневшую и опухшую щеку. Она хотела что-нибудь сказать и возразить, однако довольно сильная боль до сих пор крепко держала ее рот на замке.

— Тебе ясно или добавить еще?! — Видя молчание и сдержанную ярость в глазах дочери, Демиан мог только тут же шагнуть вперед и вновь замахнуться рукой, отчего ярость в глазах Амелии мгновенно сменилась страхом и покорностью.

— Я-ясно... ясно мне. — Не сдержав слез обиды, Амелия тут же закивала, внутренне сгорая от обиды и гнева.

— Если я еще раз услышу подобное или что вы издеваетесь над братом, то вы пожалеете. Хорошенько запомните мои слова, а теперь свободны. — Договорив, Демиан мог только устало махнуть рукой в сторону двух дочерей.

Едва слова отца прогремели в ушах Амелии, как она тут же выбежала из комнаты, плача и ревя, тогда как Камелия, испуганно попрощавшись со всеми уже побежала вслед за сестрой, будучи на деле не менее обиженной.

С самого детства Амелия почти всегда перегибала палку, тогда как Камелия всегда была более покладистой, но тем не менее она все равно не отличалась мудрыми поступками, лишь постоянно копируя свою сестру.

— Проклятье... — Глядя сейчас на выбегающих из комнат дочерей, одна из которых заливалась слезами, Демиан мог только устало присесть на кресло, потирая пальцами виски.

Порой разбираться с детьми казалась ему сложнее чем отбить осаду дикого зверья. Хотя... может он просто оказался плохим отцом? Все же его время, проведенное с детьми, было довольно малым.

— Ты все правильно сделал дорогой, Амелия давно заслуживала урока. Это моя вина, что я не уследила за ними, отчего они посмели так обращаться со своим братом.

Сильве сейчас было очень обидно и за себя, и за дочерей. Им было уже по четырнадцать лет, но они так и не понимали, насколько серьезна проблема с их братом, словно и не хотели понимать. Если бы их держали в неведении, как и Ахерона, она бы еще могла понять их безрассудство, однако они все прекрасно знали. Пусть им и не сказали прямо, но тем не менее дали достаточно пищи для размышления и определения того, какие поступки стоит совершать, а какие нет.

— Ахерон иди к себе и отдыхай, передай этот листок Августо, он дальше сам разберется. — Передавая листок сыну, Демиан заметил, что тот в свою очередь так и продолжает сидеть, лишь мельком поглядывая на стоящую неподалеку Лису.

Вздыхнув от очередного дела, навалившегося на него, он мог только перевести взгляд на одиноко стоящую служанку, что лишь продолжала тихо стоять с опущенной головой, не смея ни выйти, ни заговорить с кем-либо.

— Лиса, ты можешь идти. Впредь следи за Ахероном как следует, ведь в следующий раз ты не отделаешься так легко. Все остальные твои дела в поместье отныне возьмет кто-то другой, сообщи об этом Августо.

Услышав слова главы поместья, которые звучали словно королевское помилование, Лиса будто бы заново родилась и поблагодарив несколько раз тут же умчалась за дверь дожидаться Ахерона, который попрощавшись с родителями вскоре уже вышел следом за ней.

Глава 6. Засыпая в радости, я лишь вновь вижу кошмар. Часть 1.

Ахерон в этот момент мог только неспеша выйти за дверь, оставляя мать и отца наедине и решая в свою очередь как можно скорее вернуться в свою комнату. После часового обследования лекарей, а следом и семейной ссоры он не мог ни чувствовать себя особо вымотавшимся. И это, не говоря уже о том, что сегодня он в принципе чувствует себя далеко от слова хорошо.

Лиса же к этому моменту уже заканчивала получать какие-то объяснения от дворецкого, на чьи слова она то и дело кивала, а заметив вышедшего Ахерона и получив легкий кивок от Августо, следом уже тут же подошла к нему.

— Ваша милость. Благодарю, что заступились за меня перед лордом Демианом. — Склонившись под прямым углом перед Ахероном, Лиса могла только искренне поблагодарить.

Если бы не его слова, то даже учитывая, что барон все прекрасного понимал наказание все равно не заставило бы себя ждать, как минимум, чтобы она сама и другие слуги впредь были более внимательны к обязанной им работе.

— Не за что Лиса, ты ведь все равно не виновата... я должен был так поступить... того требовала честь. — Передавая Августо очередную типичную писанину лекарей, Ахерон сам не понял, как высокопарные слова уже слетели с его языка.

Тем не менее он не смел подать и виду, что ему стало неловко и стыдно от собственных слов. Однако даже так, продолжая сейчас идти по коридору, он мог только слегка смутившись и покраснев неловко почесать свой нос.

Раньше он никогда не говорил подобных слов, однако сейчас они словно сами слетели с его языка. Лисе было шестнадцать лет, и она была одарена как красотой, так и очарованием, отчего ее действия вызвали в нем необъяснимое стеснение и неловкость.

— Ваша милость отныне я постараюсь быть постоянно поближе к вам, чтобы не произошло и других несчастий. Вы собираетесь пойти отдохнуть? — Глядя на то, как покрасневший, как помидор, Ахерон стесняется, Лиса едва ли смогла сдержать смех, показывая только яркую улыбку.

Перед тем как ее чуть не наказали, она очень боялась повторно нарушить свои обязанности. Случись подобное вновь и барон явно будет крайне суров в ее отношении, тем более после того, как у нее осталась лишь одна забота в этом поместье.

— Д-да... и можешь просто называть меня Ахероном, ну это... когда мы наедине. — Остановившись, Ахерон исподлобья посмотрел на Лису и не замечая какой-либо мгновенной реакции девушки мог только запаниковать, тут же тараторя свои следующие слова. — Ну если хочешь, конечно.

В этот момент Лиса еще несколько секунд смотрела на Ахерона, после чего не сдержавшись прыснула со смеху. Вид, чересчур уж серьезного лица девятилетнего мальчика вкупе с

его словами, был просто крайне уморителен. Он напомнил ей сказки о принцах и принцессах, которые ей читали в детстве, и там как раз было что-то похожее.

Ахерон же, видя сейчас смех Лисы на его слова, мог только опешить настолько, что даже пошатнулся. За последнее мгновение он уже пожалел десятки раз, что решил сказать что-то подобное... дважды.

— Велит честь, называй Ахероном... проклятье кто только тянул меня за язык.

Сгорая со стыда Ахерон не знал, что и сказать, дабы не стало еще хуже, но благо к этому моменту Лиса уже перестала смеяться и серьезно посмотрела на него.

— Простите за это ваша милость. Хорошо, отныне я буду звать вас по имени... когда мы наедине. — Кратко высказавшись, Лиса могла только серьезно кивнуть, на деле едва сдерживая смех, тогда как сам Ахерон мог только продолжить идти к своей комнате.

Тем не менее даже увидев спокойное лицо Лисы, как и услышав ее слова Ахерон мог только продолжать проклиная себя за свой язык. Все-таки он действительно сказал какие-то надменные глупости. Со стороны это наверно было и впрямь смешно.

Спустя несколько довольно долгих минут Ахерон уже наконец добрался до своей комнаты, неспешно заходя внутрь. Его дыхание к этому моменту уже изрядно сбилось, а все тело ломило от скопившейся усталости и напряжения. Оно с самого рождения было ужасно слабым и немощными, продолжая становится таковым и дальше, с каждым пройденным годом. Он даже не мог заниматься тренировками как его отец и старший брат, ведь даже небольшое напряжение на сердце уже могло вызвать очередной приступ или припадок.

— Как же жаль, что я не могу упражняться с мечом... — С сожалением покачав головой, Ахерон мог только следом почувствовать себя еще хуже, чем уже есть.

Его настроение вмиг испортилось, поэтому зайдя в комнату он тут же улегся на свою кровать, собираясь немного отдохнуть. Лиса же, зайдя следом спокойно уселась на стул, лишь внимательно поглядывая на него.

— Т-ты будешь сидеть здесь? — Ошеломленно пробормотав, Ахерон мог только вновь почувствовать небывалую неловкость.

Ему казалось странным, что Лиса будет всегда смотреть на него. В особенности пока он пытается заснуть... или уже спит. Это было не только слегка неловко, но и странно. К его удивлению, Лиса могла только небрежно кивнуть на его слова.

— Августо сказал, чтобы отныне я не отходила тебя, поэтому да, я буду сидеть здесь, а потом, когда здесь поставят еще одну кровать, то и спать.

Чем больше Лиса сейчас продолжала говорить, тем сильнее Ахерон чувствовал неловкость, в то время как на последних словах его лицо стало уже свекольно-красным и горело со стыда.

— С-спать здесь? Т-ты наверно что-то путаешь, т-ты уверена?

Заикаясь, Ахерон мог лишь протараторить настолько бессвязно, что Лиса едва ли поняла, что он сказал. Она вновь захихикала, отчего он тут же решил отвернуться к стене, укрывшись одеялом вплоть до головы.

— Л-ладно потом разберемся... я немного посплю. — Не дав вставить Лисе и слово, Ахерон следом тут же закрыл глаза, собираясь немного успокоиться.

Тем не менее спустя несколько минут, усталость, к его удивлению, уже начала спешно овладевать им. Тишина казалась такой блаженной, а постоянная боль в мышцах и костях начала отступать. Сердце, до недавнего времени бившее с двойным усилием начало лишь мерно постукивать. Не успел он даже опомниться, как царство снов, казалось, вновь звало его, а глаза вмиг налились свинцом, не желая открываться. Не прошло, казалось и мгновения, как он уже тихо заснул.

Наблюдавшая же все это время за Ахероном Лиса вскоре уже услышала лишь легкое сопенье, отчего даже немного удивилась, но тем не менее не стала ни будить его, ни как-либо шуметь.

— Он и правда заснул. — Убедившись, что Ахерон действительно заснул, Лиса могла только аккуратно взять первую попавшуюся книгу со стола, следом уже начиная неспешно читать.

Сейчас Ахерону казалось, что он медленно тонет, тогда как ощущение неясности и абстрактности происходящего не давало ему собраться с мыслями. Черное, как ночное небо море медленно, но верно засасывало его в свои глубины, словно тина. Солнце продолжало освещать поверхность черной воды, едва ли короткими лучиками проникая сквозь ее толщу, отрывками доходя до его лица.

Чем глубже Ахерон опускался, тем темнее становилось, а спустя несколько минут даже последний лучик солнца наконец перестал доставать до его лица, погружая его в кромешную темноту. Бесконечный простор мрака, казалось, окутывал все вокруг, но он сам лишь продолжал опускаться все ниже... в самые недра.

— Я должно быть сплю... Мне нужно проснуться! — Вместе с этой панической мыслью, Ахерон уже начал кусать свои губы и бить себя в грудь, но все было бесполезно, ведь он лишь продолжал опускаться все ниже, не способный даже изменить свое направление.

Сколько бы Ахерон ни тонул, воздух так и не заканчивался в его легких, а чувство было такое, словно ему и не нужно более дышать. Может... он и не тонет вовсе?

Даже спустя несколько часов дна так и не было видно, и лишь темнота, с каждым пройденным вглубь метром становилась казалась только темнее. Казалось, может ли уже полная чернота стать еще темнее? В этом необъяснимом черном море ответ был лишь один — может.

Ахерон продолжал погружаться, тогда как порой, сквозь бескрайнюю темноту он словно бы замечал неясные силуэты, проплывающие мимо. Некоторые из них были маленькими, как и он сам, однако другие казались настолько большими, что поражали воображение. С каждым увиденным силуэтом ужас начал подкрадываться к его сердцу все ближе.

— Ч-что это?! — Посмотрев в глубину бездны, Ахерон начал замечать какой-то круглый и неясный контур, однако, чем больше он продолжал опускаться, тем сильнее его сердце начинало биться, сначала от страха, а потом и от ужаса.

Контур становился все отчетливее, тогда как даже он сам не смел отрывать от него взгляда, лишь кусая губы до крови и желая наконец проснуться. Однако, стоило только багровой крови с его искусанных губ просочиться в черное море, как весь мир вмиг задрожал, а в глубине бездны огромный контур неистово дернулся.

Красное око вмиг открылось в самых недрах черного моря, а его размер был поистине невообразим. Свет, испускаемый им, был способен осветить все море, превращая его из черного в алый! Он казался таким близким, что Ахерон словно мог протянуть руку и коснуться его, однако тот был лишь бесконечно далек.

— Это же просто... н-невозможно... — Шокировано пробормотав, Ахерон мог только вмиг почувствовать невообразимую волну накативших на него эмоций.

Спустя миг даже его смирение перед сном рассеялось, ведь страх и ужас овладел им полностью и безвозвратно. Он начал пытаться сделать хоть что-нибудь, однако не мог даже

сдвинуться на дюйм, продолжая лишь стремительно опускаться вниз. Красный глаз, казалось, не обращал на него внимания, однако спустя мгновение, словно что-то почувствовав он вдруг яростно сузился. Алые прожилки появились по всему глазу, тогда как вместо спокойствия тот стал источать лишь невиданное доселе зло и жестокость!

Море в этот момент словно вмиг забурлило от ярости красного ока и Ахерон почувствовал, как оно уже начало взирать именно на него. Дико оглядевшись в поисках спасения, он не смог сдержать крика ужаса, ведь черное море, доселе скрытое темнотой, показало свой истинный и ужасный облик. Вместо воды были лишь бесконечные рои насекомых, словно жижа лежащие друг на друге. Пока дремало око, дремало и море, но ощутив его гнев... оставался лишь ужас.

Все море забурлило и затрещало и лишь тогда Ахерон, кричавший от ужаса, ощутил на себе мириады насекомых, ползущих по нему. Насекомые, словно вечность страдающие от голода устремились во все его отверстия, забираясь в ноздри, глазницы, уши и рот. Адская боль наполнила все его тело, а сам он лишь мог желать себе смерти, медленно поедаемый заживо. Красное око лишь продолжало наблюдать, источая зло, пока от Ахерона не осталось ничего, даже крупички крови, но осталось лишь далеко эхо его визгов и воплей, уносимых темнотой...

Открыв глаза, Ахерон мог только безумно закричать, пытаясь руками сбросить с себя полчища невидимых насекомых, но только спустя несколько секунд он осознал, что лежит в кровати, а все произошедшее мгновениями назад было лишь ужасным кошмаром. Слезы тут же потекли из его глаз, а дрожь сотрясала все тело, ведь боль и ужас казались такими реальными, словно происходили наяву.

— К-кошмар... п-просто кошмар... — Тихо прошептав, Ахерон мог только продолжать пытаться безуспешно побороть дрожь во всем теле.

Тем не менее, оглядевшись спустя миг, он уже заметил Лису, сидевшую на стуле, спиной к нему. Его крик никак не потревожил ее, отчего он тут же почувствовал небывалую странность, а спустя мгновение и едва сдерживаемый страх.

— Лиса... ты спишь? — Встав с кровати и подойдя к девушке, Ахерон хотел взглянуть на нее, но даже прежде, чем он успел ее обойти, та уже резко обернулась, а он сам был лишь способен закричать от непередаваемого ужаса, отшатываясь назад и падая на пол.

— Ахерон... что у меня с лицом? Т-так больно... мне так больно Ахерон... ты pomoжешь мне...?

Сейчас все некогда прекрасное лицо Лисы было лишь изъедено полчищами насекомых, живущих ныне в ее голове, тогда как с каждым исковерканным словом из ее рта вываливалось множество тварей, словно незнающих конца. От такого ужасного зрелища мысли Ахерона вмиг начали меркнуть, ведь испытываемый им ужас был беспределен. Не прошло и мига, как он уже потерял сознание, не способный более выдержать такой бесконечный кошмар.

Глава 7. Засыпая в радости, я лишь вновь вижу кошмар. Часть 2.

Влажные и припухшие от слез глаза Ахерона в этот момент резко распахнулись, а сам он вскочил с кровати с диким криком, в то время как на его лице читался чистый ужас. Проснувшись вновь, он все также находился в своей комнате, а Лиса все также неизменно сидела на стуле недалеко от него, уперевшись головой в собранные под ней руки.

Реальность и кошмар сейчас словно сплелись воедино, отчего он мог лишь испытывать невообразимый страх, боясь навечно застрять в круговороте этого мрака.

— Проснись! Я должен проснуться! — С отчаянным криком, Ахерон тут же начал бешено бить себя по лицу, одновременно с этим кусая губы до крови, в надежде наконец очнуться от этого нескончаемого кошмара.

Сколько бы раз он не открывал глаза, кошмар словно продолжал преследовать его, отчего сердце наполнялось одним только плещущим отчаянием. Он боялся, что будет вынужден всегда видеть повторяющиеся кошмарные сны, не способный по-настоящему открыть свои глаза.

Заснувшая за столом Лиса в этот момент уже немедля вскочила от дикого крика, спронея даже не способная понять, что произошло. На ее лице читалось непонимание и испуг, однако видя в каком состоянии Ахерон она тут же собралась с мыслями, спешно направляясь в его сторону.

— А-а-а-а! Не подходи! Не подходи ко мне! — Закричав еще сильнее прежнего, Ахерон мог только продолжать наносить себе один удар за другим, надеясь, что хотя бы боль поможет ему наконец проснуться.

Когда Лиса встала и направилась к нему, он даже не осмеливался посмотреть на ее лицо, лишь продолжая кричать, бить себя и кусать губы. Ему казалось, стоит лишь посмотреть на нее, как он вновь увидит только полчища насекомых, роящихся в ее глазницах, тогда как ее слова, взывающие о помощи, будут наполнены одним только страданием и болью.

Лиса же в свою очередь так и вовсе не понимала, что сейчас происходит, и находилась просто в полном замешательстве и даже испуге. Мысли о том, что она все еще спит, то и дело мелькали в ее голове, однако вскоре понимая всю реальность и абсурдность происходящего она могла только не обращая внимания на психованные крики немедля подбежать к Ахерону, ведь с каждой секундой тот ранил себя все сильнее, словно вообще не чувствуя боли.

— Ахерон это же я... Лиса. Все хорошо... ты проснулся... все хорошо. — Обняв Ахерона, Лиса могла только тихо зашептать ему на ухо и лишь тогда он перестал брыкаться, оседая на пол, словно лишенный жизни.

— Л-лиса... твоё лицо... твоё лицо было... — Не поднимая промокших от слез глаз, Ахерон мог лишь продолжать смотреть в пол, ведь он так боялся, что, посмотрев, его будет ждать лишь очередной ужас.

Тем не менее Лиса сейчас не обращала на его слова никакого внимания, тут же обхватывая его лицо своими руками и ровняя со своим. Он сопротивлялся ее хватке, желая опустить голову в пол, однако она все равно лишь продолжала держать его, одновременно как крепко, так и нежно.

— Верь мне... посмотри на меня... твой кошмар закончился... — Тихий и такой печальный голос Лисы тут же раздался возле уха Ахерона, тогда как ее слова словно задели струны его запрятавшейся души.

Ахерон мог только медленно и боязливо открыть свои заплаканные глаза, встречаясь с такими ясными зелеными глазами, однако наполненными лишь одной печалью и искренней, чистой жалостью.

— Кошмар закончился.... — Не сдержавшись Ахерон тут же заплакал сильнее прежнего, уперевшись головой в грудь Лисе, тогда как громкие рыдания начали раздаваться по всей комнате.

Все его сдержанные эмоции, боль и отчаяние, что он испытывал, казалось, наконец смогли найти выход, вместе со слезами и отныне, навеки израненным сердцем.

В этот момент, когда рыдания даже еще не успели окончательно стихнуть, двое мужчин мгновенно вбежали в комнату, буквально на ходу вышибая дверь. Их руки крепко сжимали мечи, а глаза быстро и тщательно осматривали комнату, однако никого кроме сидевших в обнимку Ахерона и Лисы они так и не заметили.

— Ваша милость, что случилось?! Вы кричали! — Один из рыцарей вновь внимательно осмотрел комнату, в то время как другой видя, что Ахерон не отвечает тут же направил меч на испуганную девушку, готовясь при необходимости тут же ее обезвредить. — Отойди от него сейчас же или пожалеешь!

Лиса тут же опешила, сначала не понимая, что происходит, однако уже через мгновение она легко смогла осознать причину действий рыцаря. Ее рот немедленно раскрылся, однако едва первое слово успело слететь с ее губ, как Ахерон тут же устало поднялся, словно бы из последних сил.

— Мирейн... Вильгельм, благодарю за заботу, но все хорошо. Мне просто приснился кошмар, а увечья я нанес себе сам в приступе паники.

Ахерон говорил уверенно, но пусто, словно в его словах не было жизни. Его взгляд едва ли на мгновение пробежался по лицам двух знакомых мужчин, тогда как уже спустя миг вновь обратился в пол.

Двое рыцарей же в свою очередь не отвечали, лишь продолжая внимательно осматривать Ахерона, однако по капающей из его губ крови и разбитому лицу было не совсем понятно кто повинен в этом. Тем не менее от их внимательных взглядов не ускользнуло, что руки служанки были чисты, тогда как его руки наоборот были ранены и испачканы кровью.

Хотя двое рыцарей и начали примерно понимать, что произошло они все равно не могли просто так уйти отсюда, забывая о произошедшем, и даже не только потому, что они были

рыцарями поместья, но и потому, что знали мальчика с самого его детства, наблюдая как он медленно рос на их глазах.

— Мы понимаем, ваша милость, однако милорд Демиан и леди Сильва уже уведомлены, и мы должны отнести вас в лазарет.

Понимая, что Ахерон не совсем в себе, Мирейн не стал более ничего говорить, и не дожидаясь ответа, тут же подхватил его на руки, спустя мгновение уже быстро направляясь в сторону лазарета. Вильгельм же лишь кивком указав Лисе идти следом, сам же начал замыкать строй, не сводя при этом с нее своих глаз.

Несколько слуг в этот момент толпились за дверью, среди которых видимо и был тот, кто позвал рыцарей, после того как услышал крики Ахерона. При виде ран на лице сына барона многие из них побледнели, принявшись тут же удивленно шептаться, обсуждая, что могло произойти, в то время как их взгляды непроизвольно то и дело падали на идущую под надзором одного из рыцарей Лису.

Демиан и Сильва к этому моменту уже стояли в комнате лазарета, в которую должны доставить возможно раненного Ахерона. Лицо главы поместья, будто бы не выражало абсолютно ничего, в то время как Сильва панически грызла ногти на руках, сгораемая переживаниями за сына. Буквально только что их оторвали от всех дел, со словами о том, что из комнаты их сына исходили истошные крики и звуки драки, и Мирейн с Вильгельмом уже находятся там, разбираясь в произошедшем.

Добравшись вскоре до лазарета, Мирейн тут же положил Ахерона на кровать, в то время как Августо немедля подбежав, начал вытирать с него кровь, намазывая мазью синяки и ссадины на его слишком уж бледное лицо. А после уже начал спешно заваривать какой-то непонятный, видимо успокаивающий отвар.

Увидев своего сына, Демиан мрачно нахмурился, в то время как ноги Сильвы подкосились, а сама она едва не упала. Только крепкая рука мужа вовремя успела ее подхватить и удержать от падения.

— Ч-что с моим сыном?! Кто это сделал?! Кто?! — Яростно крича, Сильва тут же бросила взгляд на испуганную Лису, которая тут же задрожала, боясь, что может попасть под горячую руку.

На первый взгляд казалось, что служанка возможно напала на Ахерона, однако Демиан сразу подметил многие несоответствия. В отличии от почти что яростного обвинения Сильвы, он лишь спокойно посмотрел на своего сына, лежащего на кровати и словно находящемся в каком-то исступлении.

— Что произошло, Ахерон? — Тихо спросив, Демиан мог лишь продолжать смотреть на сына.

Тем не менее, Ахерон в этот момент лишь продолжал безучастно смотреть в потолок, так и не отвечая отцу. Моменты из кошмаров то и дело мелькали в его голове. Погружение в бесконечное дно казалось лишь черного моря... Красное око невиданных масштабов, источающее

зло и жестокость.... Съедение заживо полчищами насекомых.... И даже, когда казалось кошмар наконец закончился, даже открыв глаза и проснувшись его ждал лишь... очередной кошмар.

— Ахерон я тебя спросил, что произошло. Ответь мне. — В этот момент Демиан мог только нахмуриться, слегка повышая голос, отчего наваждение словно спало с Ахерона, после чего тот тут же повернул голову, взирая на отца.

— Кошмар... мне просто приснился кошмар. — Ахерон сейчас говорил спокойно, почти шепотом, но такой закаленный в боях рыцарь как Демиан словно учуял ужас, скрывающийся в словах сына, а поэтому он не медлил.

Присев возле Ахерона, он тут же посмотрел на него, аккуратно кладя руку на его плечо, тогда как слова, выходящие из его уст, выражали лишь понимание и своего рода просьбу поделиться с ним своими воспоминаниями и болью.

— Должно быть кошмар был словно реальность. Расскажи нам, ведь это может быть какое-то проклятие. Я может и всего лишь рыцарь, однако не раз встречался с подобным, верь мне.

Сильный и непоколебимый голос отца, словно помог Ахерону прийти в себя, давая своими словами понять, что ему есть на кого положиться, отчего приподнявшись, он уже неспешно уселся на край кровати. Тем не менее даже просто вспоминать пройденный им кошмар давалось с трудом. Боль словно приливными волнами накатывала на его тело, вызывая озноб и учащенное сердцебиение.

Хотя ему было и сложно рассказывать об этом, но он понимал, что это то, что нужно сделать, ведь от проклятия всегда можно избавиться. Он и сам не раз читал о них в рассказах о героях прошлого. В книгах они так легко побеждали эти проклятия, но лишь столкнувшись с настоящим кошмаром он понял — победить, казалось, просто невозможно.

— М-мне снилось, что я тону в черном море... потом... потом там было красное око... огромное... не описать словами его размеры. — С каждым словом, говорить Ахерону давалось все сложнее, а голова раскалывалась от боли. — Оно так посмотрело на меня, словно источало невиданную злость вместе с бесконечным алым светом, и именно тогда, именно тогда я понял... это было не черное море, но бесчисленные полчища насекомых...

Ахерону вдруг стало тяжело дышать, а сам он начал ерзать, то и дело словно пытаясь сбросить с себя что-то, тогда как слыша его слова и наблюдая за ним, Сильва могла только горько расплакаться. Всего лишь недавно ее сын был совсем другим, но прошел, казалось, лишь миг и она больше не может его узнать.

Демиан же не смел сейчас показать слабость, продолжая непоколебимо держаться, лишь с печалью наблюдая за своим сыном, до недавнего времени улыбающегося мальчика, что сейчас дрожал от ужаса.

— Продолжай. Что было дальше? — Даже видя, какую боль его сын получает от пересказа своего кошмара Демиан все равно велел продолжать. Он должен был знать все, чтобы понимать с чем он имеет дело и как с этим бороться.

— Они... они залезли внутрь меня... кусали... жалили... они... они... — Ахерон расплакался, ведь вспоминать об этом было самой настоящей пыткой. Он до сих пор помнил эту ужасающую боль. — Они съели меня заживо мама... они съели меня...

Мирейн с Вильгельмом лишь тихо стояли, сжимая кулаки с печалью в глазах, тогда как Сильва не могла ни зарыдать, бросаясь в обнимку к сыну. Ужас, с которым тот говорил было не передать словами.

— Потом я проснулся... я закричал, но никого не было, лишь тишина. Я думал все закончилось, казалось, я действительно проснулся, но Лиса... она повернулась ко мне... и все ее лицо было изъедено полчищами насекомыми. — Переведя взгляд на Лису, Ахерон одновременно испытывал стыд и страх. — Она умоляла помочь ей... сказала, что ей больно... и после этого я наконец проснулся.

Закончив говорить, Ахерон тут же выпил протянутый ему дворецким отвар трав, тогда как сам Августо уже в следующее мгновение продолжил сортировать различные травы и подготавливать очередное лекарство, то и дело прислушиваясь к разговору с мрачным лицом.

Теплый отвар вмиг полился по горлу Ахерона, успокаивая и согревая его, после чего он устало лег на кровать, прикрываясь одеялом с головой. Головная боль словно сводила его с ума, мешая трезво мыслить и думать, но постепенно он начинал все больше успокаиваться, а страх оттеснялся усталостью.

Сильва, продолжая плакать тут же вышла из комнаты, не способная более находиться здесь. Весь ее макияж растёкся по лицу и ей нужно было привести себя в порядок. Она ужасно переживала за сына, но понимала, что ничем не может ему помочь, отчего чувствовала себя еще хуже.

Слыша всю эту историю и не понимая, почему ее изначально не выгнали из комнаты, Лиса могла лишь стоять в ступоре. Она не могла понять, как все дошло до этого, ведь еще недавно Ахерон стеснялся, краснел и радовался. В его глазах была видна словно бы детская наивность и юность. Сейчас же, лишь с десятков минут назад, держа его голову вровень со своей она не видела ничего из этого. Казалось, она не видела больше ничего из того, что было. Все: стеснение, радость, наивность и юность, все это заменилось лишь одним чувством — ужасом, что без края плескался в его черных, словно омут глазах.

Глава 8. В пути.

Закончив слушать рассказ Ахерона, Демиан не смел более медлить, спешно выходя наружу. Ему было очевидно, что его сыну приснился не совсем обычный кошмар, ведь в своей жизни он и сам не раз сталкивался с проявлениями темных сил. На южной границе, из туманных полостей порой выбирались ужасы пострашнее волков, заставляющие словно поверить в ужасные сказки, которыми пугают непослушных детей. Обитающие в тумане твари страшились выходить, но достаточно было лишь найти глупца посмевшегося убежать в тот забытый, туманный край, как слышались лишь его крики, а после... только стоны.

— Августо, пусть несколько слуг пока-что следят за состоянием Ахерона. Вели также запрячь лошадей, через час я с сыном и женой направлюсь в Игрид, чтобы посетить Церковь Ярчайшего Света. Ты будешь за главного, поэтому следи за девочками в оба глаза. — Отдав приказы, Демиан следом уже немедля направился в свой кабинет.

— Слушаюсь, милорд. — Коротко кивнув на слова барона, Августо уже в следующий миг умчался, начав выполнять поставленные ему задачи и не смея медлить.

Добравшись до своего кабинета и зайдя внутрь, Демиан тут же открыл полку и достал бумагу. Он спешно взял перо и макнув в чернила принялся выводить одну букву за другой. Письмо было предназначено виконту Олару, его сюзерену и подробно описывало причину его отсутствия на юге, а также вкратце рассказывало о проблемах с сыном. Закончив писать, он тут же взял свою собственную печать, символизирующую подлинность документа и его власть, тут же прикладывая ее к уже завёрнутому свертку.

Отложив одно готовое письмо, он тут же взял очередной лист, продолжая писать. Это письмо уже предназначалось его старшему сыну — Маркусу, который остался на южной границе. Оно еще более подробно, чем в письме виконту объясняло случившуюся ситуацию. Спустя несколько минут, вновь поставив печать, он тут же отложил перо и взяв оба свитка направился обратно в общий зал.

— Отправь это письмо виконту, а это Маркусу. — Найдя Августо Демиан вновь нагрузил того очередной задачей, и получив ответный кивок, направился к своей жене.

Прошло уже более получаса поэтому к этому времени Сильва уже полностью пришла в себя. Ее лицо вновь было ухожено, однако вместо улыбки на ее прекрасном лице была лишь печаль. Она тихо сидела возле заснувшего Ахерона, легонько поглаживая его, едва ли касаясь ладонью волос.

— Сильва, я понесу Ахерона. Мы отправимся в ближайшую Церковь Ярчайшего Света. Я знаком там с одним епископом высшего духовенства. Они могут снимать проклятия... мы должны попробовать.

Хотя Демиан не мог знать проклят ли Ахерон, но он точно был уверен, что если да, то епископ должен суметь снять проклятие. Да и в любом случае лучшего варианта у него пока-что не было. Для начала будет не лишним вычеркнуть хотя бы одно дело из все пополняющегося списка проблем.

— Я сама понесу его. Просто... не буди его. Он так сладко спит.... — Сейчас Сильва могла только мягко улыбнуться, глядя на своего сына и уже аккуратно поправляя челку его слегка длинных черных волос.

Встав, она следом уже аккуратно подняла его на руки, но даже от такого действия Ахерон не проснулся, что лишь показывало, насколько сильно он был измотан, как морально, так и физически.

Демиан же в свою очередь лишь кивнул и более ничего не сказал, немедля выходя из поместья. Его доспехи и оружие к этому моменту уже были идеально очищены и отполированы слугами, которые спустя несколько минут и помогли ему полностью надеть их.

Сильва к этому моменту уже также была готова, поэтому дожидаясь мужа она лишь аккуратно разместила в карете, положив голову сына себе на колени, тогда как слуги в свою очередь уже немедля принесли подушки, покрывала и еду.

— Мирейн, Вильгельм. — Посмотрев на двух рыцарей, стоящих сейчас возле него, Демиан слегка улыбнулся, после чего по-дружески поместил руки на их плечи. — Не знаю сколько меня не будет, но, как и всегда я рассчитываю на вас... мои старые друзья.

— Не волнуйся Демиан. — Мирейн также слегка улыбнулся в ответ, одновременно с Вильгельмом кладя руку на плечо Демиана. — Покуда мы живы, даже волос не упадет с голов двух проказниц.

Вильгельм в этот момент мог только слегка усмехнуться со слов Мирейна, тогда как Демиан лишь тихо рассмеялся, боясь разбудить сына. Тем не менее их прощание было быстрым. Уже в следующий миг Демиан напоследок слегка потрепав двух рыцарей по плечам, следом уже направился в карету. Лошади к этому моменту уже были сопряжены, а двое других рыцарей собирались провожать Алетеев в этой поездке в Игрид.

Мирейн и Вильгельм были самыми старыми боевыми товарищами Демиана, поэтому он решил оставить их в поместье. Больше, чем им он доверял лишь своей семье, поэтому оставляя их здесь его сердце будет спокойно. Конечно, помимо них, здесь были и другие рыцари, которым он доверял, однако эти двое были для него почти как братья. Что до защиты своей семьи в пути, то он и сам прекрасно с этим справиться, не говоря уже о еще двух умелых рыцарях, которые его сопровождали.

— Бертрам, Сайло, отправляемся. — Дав знак двум рыцарям, держащим поводья, повозка тут же направилась напрямик по тракту, уходящая вдаль под терпеливыми взглядами слуг.

Мирейн и Вильгельм же не собирались стоять и дальше, поворачиваясь и неспешно направляясь обратно в поместье. Они лишь надеялись, что по возвращению проблема будет решена.

В этот момент Ахерон мог только медленно открыть глаза, в то время как слегка трясущаяся на кочках и неровностях карета вмиг вызвала в нем небольшой импульс страха. Тем не менее, даже прежде, чем он успел начать паниковать, Сильва уже мягко его обняла.

— Ахерон не переживай, мы в дороге. — Нежно поцеловав поднявшуюся макушку сына, Сильва могла только вызвать этим легкую улыбку у сидевшего недалеко Демиана.

Хотя, как рыцарь и воин он не одобрял подобное, слишком ласковое отношение, но понимал, что даже с этим Ахерону приходится даже слишком уж тяжело. Не говоря уже о том, что тот просто в принципе никогда не сможет стать ни тем, ни другим.

Из-за своего здоровья Ахерон с детства особенно тщательно обучался в делах поместья, чтобы в будущем грамотно управлять им вместо отца, тогда как его старший брат Маркус стал бы его мечом. Это был план Демиана, ведь он не собирался брать в расчет, что так и не сможет вылечить сына. Пока он еще дышит, он собирался сделать все, что только сможет.

— Куда мы направляемся? — Посмотрев сначала на отца, а потом и на мать, Ахерон не мог не спросить. Даже сейчас, немного отдохнув и поспав без кошмаров он все равно чувствовал себя ужасно, и не мог понять зачем они решили куда-то поехать.

Сильва хотела ответить сыну, однако Демиан не дал ей вставить слово, тут же рассказывая все как есть, не собираясь скрывать его предположения или как-либо юлить, не договаривая правду.

— Ахерон, возможно на тебе какое-то проклятие, поэтому мы направляемся в церковь, находящуюся в городе Игриде, что в пол днях пути. У меня там есть так скажем знакомый в кругах высшего духовенства. Думаю, епископ сможет нам помочь, но даже если нет, то мы все равно решим проблему, так или иначе, не сомневайся.

— Я понял... — Внимательно выслушав отца, Ахерон мог только устало кивнуть, тогда как упоминание о кошмаре, словно бредило старые раны, отдавая пульсациями в его голове.

Усевшись поудобнее, он тут же взглянул в окно. Темнота окружала повозку и лишь легкий свет фонарей разгонял окружающий мрак. Однако, чем дальше он смотрел в гущу леса, тем темнее ему казался окружающий мир. Покачивающие от ветра деревья, словно заволакивали чужой взор, в то время как среди них, глубоко в темноте он порой замечал пробегающие туда-сюда силуэты, напоминающие далеко не зверей.

В этот момент предательская дрожь не могла не начать сотрясать все его тело, а ужас наваливаться на мысли словно приливная волна. Даже где-то в далекой чаще вдруг прозвенел протяжный вой, от которого он ни мог не затрепетать пуще прежнего, прижимаясь поближе к матери.

— Ахерон ты замерз? — Обратив внимание на сына и не дожидаясь ответа, Сильва тут же набросила на него теплое покрывало, тем не менее от Демиана не ускользнул испуг в глазах сына, который тот пытался тщательно скрыть.

— Ахерон. — Позвав сына, и даже не дожидаясь его ответа, Демиан уже немедля достал свой меч, следом аккуратно кладя его себе на колени. — Ты знаешь, что лежит у меня на ногах?

Услышав сейчас странные слова отца, Ахерон тут же перевел на него свой взгляд, а в особенности на его меч, что казалось блестел, отражая свет фонарей. Его отец, казалось, задал

очевидный вопрос, но тем не менее жесткий взгляд черных глаз сейчас непоколебимо уперся в Ахерона, будто бы дожидаясь его ответа.

— Меч, пап. — Не раздумывая ни секунды, Ахерон следом уже мгновенно дал свой ответ, даже не задумываясь о его правильности.

Вопрос отца сейчас казался ему элементарным и обыденным, однако, к его удивлению, Демиан лишь покачал головой с легкой улыбкой на своих устах.

— Это сила, Ахерон, и именно этого бояться и ужасы, и кошмары. Не страшись ничего, сын мой и пойдй наперекор всему, наперекор любому ужасу и кошмару, и стань настолько великим, чтобы сам кошмар страшился тебя. Не страшись, но сам внушай ужас. Не бойся, но пусть дрожат те, кто пошел против тебя. Держи в руках такую силу, чтобы впредь никто не посмел бросить тебе вызов, а если посмеют — сокруши их!

После слов отца, мрачный и, казалось, безжизненный взгляд Ахерона вмиг изменился. Сердце забилося чуть быстрее, а кровь словно прилила к рукам, согревая их. Слова отца, выходящие сейчас с его уст с легкой грубостью и не напускным величием без всяких сомнений... звучали более чем воодушевленно!

— Можно ли... можно ли стать настолько великим, чтобы даже кошмар страшился тебя?

Слова отца сейчас то и дело проскальзывали в голове Ахерона, а его взгляд вновь устремился в окно повозки, вглядываясь в глубины чаши. Он продолжал лишь повторять слова отца снова и снова, пока снующие во мраке силуэты не исчезли, словно их там никогда и не было.

— Можно ли... сокрушить кошмар?

Спустя некоторое время Ахерон вновь уснул, но казалось, даже во сне слова отца все еще звучали в его голове, словно бы изгоняя кошмары и дурные сны. Проснувшись спустя несколько часов, он чувствовал себя отдохнувшим как никогда ранее, казалось, что свет вновь засветился в его черных глазах.

— Ахерон, как ты себя чувствуешь? Мы уже почти прибыли. — Внимательно посмотрев на сына, Сильва не могла не спросить, в глубине души надеясь, что ее сына не беспокоили очередные кошмары.

— Замечательно, мама. Я чувствую себя так, словно хорошо выспался. — Посмотрев на отца Ахерон не смог сдержать легкой улыбки, ведь именно благодаря ему он смог расслабиться и отдохнуть, наконец не терзаемый кошмаром.

Демиан же в этот момент мог лишь слегка улыбнуться в ответ, продолжая сидеть ровно, словно стрела. На протяжении всей дороги он не расслаблялся ни на секунду, в любой момент готовый защищать свою семью до самого конца.

Тем не менее уже спустя полчаса карета наконец остановилась, и рыцари вскоре неспеша открыли ее двери. Демиан выбрался первым, а следом и Сильва с Ахероном. Уже сейчас они

находились в самом центре Игрида, а недалеко от них находилось поистине прекрасное архитектурное сооружение — Церковь Ярчайшего Света!

Глава 9. Игрид.

Ахерон много раз посещал эту церковь, но даже сейчас при ее виде он мог лишь вновь испытывать одно только восхищение, то и дело поражаясь ее необыкновенной красоте и святости. Построенная из белого гладкого камня, она словно слегка светилась, освещаемая далекими лучами солнца.

Колокола то и дело звонили, взывая к пастве, напоминания о времени очередной молитвы. Их ясный и чистый гонг звучал по всему городу, казалось, этот звон мог оглушить, но он словно легкий бриз ласкал уши, вызывая в сердцах слышащих, только спокойствие и умиротворение.

Множество людей входили и выходили из церкви. Большинство из них было одето в рясы, на груди которых то и дело мелькали разнообразные эмблемы, означающие их должности и положения при церкви. Все казалось идеальным, чистым и наполненным святостью.

Однако даже среди всей этой чистоты, праведности и справедливости скрывался мрак, боль и самое главное — голод. Множество измазанных неизвестно в чем несчастных людей сидело возле церкви, протягивая трясущиеся, грязные руки. Их головы были опущены, тогда как уста твердили лишь о милостыни. Некоторые из них лишь на первый взгляд казались здоровыми, другие же не имели либо руки, либо ноги. Множество искалеченных людей собрались, казалось, в одном единственном, все еще способным на милосердие месте.

Наблюдая за этим зрелищем Ахерон чувствовал лишь небывалую жалость. Ему всегда было ужасно печально за подобных людей, чья участь провести остаток жизни рассчитывая лишь на чужое, а порой и крайне редкое милосердие.

— Ахерон пошли, еще успеешь насмотреться. — Мысли Ахерона уходили все дальше и дальше, однако в следующий миг его уже прервал голос матери, взявшей его за руку и легонько потянувшей за собой.

— Постой мам... эм... может... дадим им немного денег... — Неловко посмотрев на мать и обернувшегося отца, Ахерон мог только указать рукой в сторону толпы просящих милостыни людей.

Тем не менее, под взглядами родителей он уже спустя миг почувствовал, словно сделал что-то не так, однако даже прежде, чем он успел неловко отказаться от своей затеи, сокрушаясь о том, что у него нет своих денег, Сильва тепло улыбнулась, потрепав его по голове.

— Конечно, милый, держи. Дай каждому по чуть-чуть и возвращайся сюда поскорее.

Увидев одобрение в глазах матери, Ахерон лишь мельком взглянул на отца и увидев, как тот кивнул, ярко улыбнулся, следом уже неспешно направляясь к рядам множества сидящих у церкви людей.

Пока он шел, то и дело замечал косые взгляды, направленные на них. Некоторые плевались в их сторону, другие лишь отводили взгляды, но были и такие, кто не побрезговал даже

ударить ногой. Своим медленным темпом он добирался туда целую минуту, поэтому наблюдал за событиями, словно за картиной.

— Зачем они так поступают... эти несчастные люди же и так страдают... — Смотря на безразличие, а порой и жестокость прохожих к горлу Ахерона не мог не подступить тяжелый ком. Он просто не мог понять, почему некоторые люди настолько жестоки.

Тем не менее уже в следующий миг он подошел к одному из несчастных, которым оказался какой-то старик с седыми волосами и лишенный обоих ног. Не думая, он тут же отсыпал несколько бронзовых монет в его ладонь, отчего глаза старика вмиг заблестели, а из его уст полился нескончаемый поток благодарностей.

— Благослови вас Великая мать, господин! Благослови вас Ярчайший Свет! Век вам жить и беды не знать!

Ахерону было неловко, что-либо отвечать, поэтому он лишь также неловко улыбался, то и дело без остановки кивая. Дослушав старика до конца и отойдя, он снова повторил то же самое, отсыпая несколько бронзовых монет взрослой женщине, у которой отсутствовала рука и был выбит глаз.

— С-спасибо... д-добрый г-господин... — Слова благодарностей начали выходить из уст женщины, однако ее речь была крайне исковерканной и искаженной, но Ахерону было все равно на это, он лишь тепло улыбался, глядя на нее, сожалея только о том, что не может оказать ей еще большей помощи.

Он продолжал так до тех пока у него не закончились все монеты, которые ему дала мама. Его глаза слегка блестели от слез, ведь ему была крайне жаль всех этих людей и если бы он мог, он бы и дальше продолжал помогать им.

— Когда я вырасту я буду помогать всем, и постараюсь, чтобы таких страдающих людей больше никогда не было!

Бросив последний взгляд на несчастных, Ахерон следом уже начал идти обратно, когда вдруг со спины послышался сдавленный хрип. Обернувшись, он мог лишь обомлеть от происходящего, ведь двое крепких мужчин начали поочередно отбирать буквально только что отданные этим несчастным людям бронзовые монеты.

— Ч-что это? — Ахерону сейчас казалось, что происходит какое-то театральное представление, однако легкие подгоняющие пинки и сдавленные, болезненные хрипы несчастных говорили об обратном.

Панически оглядываясь по сторонам, он увидел несколько стражников, лениво стоящих на своем посту. Их взгляды порой проносились по группе несчастных, которых в данный момент публично грабили, но в их головах, казалось даже не пролетало мыслей, чтобы сделать хоть что-нибудь.

Вновь переведя взгляд на двух образин, выбивающих деньги, Ахерон понимал, что он не сможет объяснить им что-либо, поэтому немного подумав тут же направился к группе стоящих неподалеку безмятежных стражников.

— Надо сказать им, чтобы они помогли этим людям!. — Сейчас Ахерон мог только спешно бежать к стражникам, однако усталость уже начала давать о себе знать, отчего его дыхание участилось, а лоб покрылся испариной.

Подойдя к страже, Ахерон немного отдышался, то и дело нервно оглядываясь на несчастных, которых до сих пор теснили двое дородных мужчин.

— Эм... простите... там вымогают деньги и-и избивают людей... — Ахерон с трудом подобрал нужные слова, одновременно с этим указывая рукой, однако стражники словно даже не слышали его, продолжая заниматься своими делами. — П-простите т-там...

Ахерон решил повторить еще раз, думая, что может его попросту не расслышали, однако даже прежде, чем он успел договорить, один из стражников уже мрачно нахмурился.

— Иди отсюда, сын приبلуды. Не видишь, люди заняты? — Грубо высказавшись и сплюнув на пол, стражник уже в следующий миг вернулся к своему безделью, не обращая более никакого внимания на непонятного мальчугана.

Услышав сказанные ему слова, Ахерон же в этот момент мог лишь стоять как истукан, непонимающе моргая глазами. Он хотел сказать что-нибудь еще, обвинить их в халатности, не соблюдение обязанностей, но обернувшись обратно увидел лишь, что двое мужчин уже исчезли, как и деньги, что он отдал. Остались лишь несчастные, которым он пытался помочь, и которые выглядели сейчас еще хуже прежнего.

К его горлу тут же подступил тяжелый ком, а обида казалась настолько сильна, что он хотел расплакаться прямо здесь и сейчас. Он не понимал, как люди могут быть такими безразличными к чужим бедам, которые происходят буквально у тебя глазах, не говоря уже о том, что это была их прямая обязанность.

— Вы бесполезный мусор! Вы не имеете право называть себя стражниками, ведь вы просто никчемные, жалкие трусы! — Снова оглянувшись на стражников, Ахерон, не сдержавшись тут же начал на них кричать, тогда как печальные слезы обиды уже текли из его глаз.

Множество людей то и дело бросали на него раздраженные взгляды, а стражники в свою очередь могли только обомлеть от такой дерзости. Поднявшись, один из них сначала как следует огляделся, а после поняв, что никто не обращает особого внимания на крики сопляка показательно положил руку на рукоятку своего меча.

— Похоже у тебя слишком много здоровья, пацан. Лучше иди подобру-поздорову, пока сам не стал сидеть возле церкви, выпрашивая милостыни.

Услышав слова стражника, Ахерон мог только испугаться под столь тяжелым взглядом, тут же отступая на несколько шагов назад и неуклюже упираясь в чей-то силуэт. К его счастью, обернувшись чтобы извиниться он с удивлением заметил своего отца, что уже твердо стоял позади него.

— Похоже у подобного мусора, как ты, появилась смелость, раз он посмел заговорить так с дворянином. — Бросив жестокий взгляд на стражника, Демиан в свою очередь не преминул осмотреть каждого из них, показательно хватаясь за рукоять своего клинка.

В этот момент говоривший до этого стражник, увидев подошедшего мужчину и услышав его слова, тут же понял, что имеет дело с дворянином, поэтому его лицо до этого выражавшее угрозу скорой расправы растянулось ныне в улыбку добродушного дедушки. Остальные же стражники тут же поднявшись, уже вытянулись по струнке.

— Должно быть бес попутал меня, милорд. — Склонившись на 90 градусов и переведя взгляд на Ахерона стражник запричитал. — Простите, ваша милость, разумеется, мы найдем тех бандитов и накажем их по всей строгости закона.

Услышав слова стражника, Демиан лишь закатил глаза, понимая, что никто не будет никого искать, если только он не займется этим делом лично. Однако действовать своевольно на территории другого дворянина он не собирался, да и не имело это смысла.

— Вы уж постарайтесь, лодыри, ведь из-за вас эти люди пострадали! Как вы вообще можете себя так вести?! Вы даже угрожали мне расправой! — Высказав все, что было у него на душе, Ахерон даже закашлялся от нехватки кислорода, то и дело вытирая слезы рукавом.

Стражник же мог лишь продолжать стоять с опущенной головой и мокрой от холодного пота спиной, выслушивая причитания какого-то сопляка о жизни, в душе надеясь, что дворянин не собирается ему мстить, ведь в таком случае еще к утру он будет болтаться на виселице, и единственными счастливыми в этой ситуации станут вороны, пирующие на его костях.

— Пошли, Ахерон, нам пора. — Увидев, что состояние сына ухудшилось, Демиан не хотел продолжать этот фарс и тем более мстить этим стражникам, следом уже разверчиваясь и начиная неспешно уходить.

Кивнув, Ахерон мог только бросить последний взгляд на стражников и направиться вслед за отцом. Он даже не думал о какой-либо мести им, просто надеялся, что они образуются и смогут стать лучшими людьми.

Хотя стражники чуть ли не клялись, что найдут этих бандитов, в глубине души он и сам понимал, что этого не произойдет и от этого ему было еще печальнее.

— Кто же тогда защитит и поможет этим людям?

Ахерону становилось ужасно страшно за участь всех этих несчастных, сидящих возле церкви, поэтому он то и дело оглядывался на них, с каждым шагом отдаляясь все дальше.

— Ты не сможешь им помочь, Ахерон. Не забивай голову. — Словно зная, о чем думает его сын, Демиан даже не оборачиваясь тут же дал совет.

— Но должен же...

— Хочешь им помочь? — Остановившись, Демиан тут же обернулся к сыну, приседая и смотря тому вровень прямо ему в глаза. — Если ты хочешь им помочь ты должен получить

силу. Разве мог ты им сейчас помочь? Если бы не я, тебя бы хорошенько избили. В этом городе тысячи нищих. На территориях высших дворян их сотни тысяч, тогда как во всем королевстве миллионы таких! А сколько в других королевствах?! Сколько таких же во всем мире?!

Договорив, Демиан мог только негодуя покачать головой и устало подняться, продолжая направляться обратно к жене. Очевидно, он не разделял мнение сына, следом продолжая лишь тихо говорить:

— А ты не смог помочь даже нескольким...

Выслушав сейчас тираду отца, Ахерон мог лишь понуро опустить голову. Слова отца сейчас казались истинной, но в то же время ранили его сердце не хуже самого острого ножа. Он понимал, что не способен никому помочь... правда понимал. Но разве пройдя мимо, причитая о своем бессилие лучше, чем хотя бы попробовать изменить жизнь одного человека?

Однажды в библиотеки поместья он прочитал одну книгу. В ней описывалось, как самый обычный проходящий мимо человек однажды помог нищему. Он никогда не протягивал никому руку до этого, но увидев этого несчастного человека, он словно чувствовал душой, что должен помочь. Позже, спустя многие года этот несчастный смог стать великим человеком, изменившим весь мир!

Не пройдя мимо, причитая о бессилие, помощь чужака изменила судьбу лишь одного человека, тогда как тот в свою очередь изменил судьбу всего мира! Так есть ли все же смысл в том, чтобы помогать одному человеку или лучше пройти мимо, сказав: Это лишь один из бесчисленного множества... я ничего не изменю.

Ахерон медленно шел вслед за отцом, тогда как бесчисленные мысли продолжали проноситься в его голове. Он ничего не изменил сегодня, может даже навредил, но отнюдь... Даже после слов отца он не считал, что поступил зря.

Глава 10. Церковь Ярчайшего Света.

Демиан с Ахероном уже вскоре подошли к ожидавшей их Сильве, стоящей неподалеку от повозки и сопровождающейся двумя рыцарями. Увидев запыхавшегося сына, она тут же беспокойно подошла к нему, аккуратно вытирая платком пот с его лба.

— Ахерон, не бегай так больше. Ты же знаешь, что тебе нельзя перенапрягаться. — Сильва с легким беспокойством запричитала, на что Ахерон мог лишь неловко улыбнуться и кивнуть на слова матери.

— Сильва, Ахерон пошлите. Сайло, Бертрам вы останетесь здесь. Я не думаю, что нас не будет слишком уж долго, так что наберитесь терпения. — Услышав слова Демиана, двое рыцарей могли только кивнуть, следом уже направляясь обратно к карете. — И не забывай Ахерон, мы прибыли по важному делу касающегося тебя лично и остальные проблемы подождут.

Ахерон мог только согласиться со словами своего отца, отбрасывая лишние переживания, ведь у него и впрямь хватало своих проблем, и нужно сначала разобраться хотя бы с ними.

Не тратя больше времени, Демиан следом уже пошел напрямик к церкви, тогда как Сильва, держа сына за руку направилась сразу следом за ним. Хотя он мог бы посетить церковь и со своими рыцарями, однако это считалось бы дурным тоном, покуда считалось, что в церкви у людей нет врагов, в особенности у вассалов короны, коими и являлись дворяне.

Чем ближе Ахерон подбирался к церкви, тем больше она ощущалась крепостью, словно защищающую всех ото зла. Двери были тяжелыми и высокими, не меньше трех метров. Ему казалось, что решив зайти в церковь без отца, державшего дверь, то он не смог бы даже открыть их, настолько казались тяжелы эти две похожие на колонны двери.

Попав внутрь и пройдя через двойную арку, соединенную небольшим помещением с еще одними такими же дверьми, шум и гомон толпы с улицы сменился абсолютной тишиной. Никто не говорил, лишь тихо ступая по церкви, возжигая свечи, благовония и благочестиво молясь.

Спустя несколько минут из глубин церкви до ушей Ахерона уже донеслось тихое и такое успокаивающее песнопение. Оно казалось и далеким, и близким одновременно, но покуда ты находился в церкви, то обязательно услышишь его в любой ее части. После удара колокола группа служителей собралась на общую молитву, и именно их песнопения разносились по всей церкви.

Ахерон не знал, что именно значат слова, выходящие прекрасной песней изо рта служителей церкви, однако это несомненно был лишь один из бесчисленных куплетов, что находился в еще больших святых свитках и книгах, возносящих Великую мать и Ярчайший Свет.

Сколько бы раз Ахерон не посещал церковь он не мог перестать восхищаться, ведь она была построена с невообразимым величием. Войдя внутрь, он чувствовал себя таким же защищенным, как и под суровым взглядом отца. Однако это была словно совсем другая защита. Если под взглядом отца он чувствовал, что его недоброжелатели заплатят, то здесь он чувствовал, словно никаких недоброжелателей и не будет, словно зло не посмеет сунуться в эту свя-

тую обитель. Может это было правдой, а может лишь мыслями девятилетнего мальчика, что горевал над участью страдающих людей, просящих милостыню снаружи всей этой святости.

Посередине же огромного и красивого зала находилась статуя женщины, чей прекрасный лик был скрыт вуалью, оставляя открытыми лишь ее не менее прекрасные глаза, словно притягивающие к себе все взоры входящих. Под статуей на монументе были вырезаны лишь несколько слов на языке церкви - Великая мать, длань Ярчайшего Света.

Ахерон заворуженно смотрел на статую, то и дело перечитывая слова, написанные на монументе. Он плохо знал язык церкви, который по совместительству был языком давно разрушенной империи, однако именно эти пять слов он знал наизусть. Он также читал некоторые переведенные на имперский язык святые книги, в которых говорилось, что даже когда к самым набожным верующим снисходит Великая мать, то даже тогда ее лик скрыт вуалью, ведь в противном случае они будут ослеплены бесконечно ярким светом, что исходит ее лица, и даже воспоминание об увиденном сотрется из их голов! Настолько был божественен ее лик, недоступный взору смертных.

Великая мать была первым ребенком всего света мира, прозванного на первом восходе солнца — Ярчайшим Светом, поэтому являлась одновременно воплощением божества и его дланью, тогда как именно Ярчайший Свет был богом во всем его проявлении. Богом, как сутью бытия. Именно это проповедовала Церковь Ярчайшего Света.

В этот момент Сильва могла только легонько потянуть засмотревшегося Ахерона вслед за мужем, который в свою очередь уже неспеша направился к закрытому помещению, предназначенному для тех, кто искал разговора со служителями церкви.

Войдя внутрь комнаты, песнопения отдалились на второй план, хотя даже здесь их было бы прекрасно слышно, если бы не тихие голоса людей, перебивающие их. Демиан тут же направился к одному из служителей церкви, что стоял возле каменного надгробия одного из почивших святых, тихо молясь. Он думал о том, чтобы перебить его, однако немного подумав и понимая, что пришел с просьбой мог только дожидаться пока тот не закончит.

Спустя несколько минут закончив молитву, священник с улыбкой обернулся, одаривая доброй улыбкой троицу, после чего перевел взгляд на стоящего впереди всех Демиана.

— Чем я могу вам помочь? — Священник внимательно осмотрел троицу, сразу же признавая в них дворян. Лицо Демиана казалось ему слегка знакомым, но тем не менее он так и не смог вспомнить, где именно его видел.

— Мне нужно встретиться с епископом Лаурой. Скажите, что ее просит барон Демиан. — Демиан не собирался юлить или как-то уговаривать, просто говоря все как есть.

Услышав слова мужчины, священник мог лишь кивнуть. Если его просит барон, тем более знакомый с Лаурой, то у него просто не было причин отказывать. Если что, Лаура всегда может сама отказаться от встречи, ведь епископы были частью высшего духовенства и дворяне не могли им прямо приказывать.

— Я сообщу епископу Лауре о вас. Однако я не могу заверять, что она согласится на встречу, ведь....

— Просто сообщи. Если она не согласится, то так тому и быть, я просто уйду. — Закатив глаза, Демиан мог только перебить священника и так зная, что тот собирался сказать.

Боясь гнева дворянина, священник хотел лишь донести мысль о том, что ответ Лауры не зависит от него, чего он сам очевидно хорошо понимал, тут же давая ему свой ответ.

Добродушно улыбнувшись и кивнув, священник следом уже неспешно направился к боковой двери, устремляясь в глубины церкви. Он вернулся уже спустя около десяти минут, сообщая хорошие для ожидающей троицы вести.

— Епископ Лаура сообщила, что встретит вас и вашу семью. Однако ей нужно закончить молитву. Прошу вас подождать полчаса, после чего я лично отведу вас к ней.

Услышав слова служителя церкви, Демиан не задумываясь кивнул, после чего вместе с Сильвой и Ахероном вернулся в главный зал, более не обращая никакого внимания на священника, что проводил их улыбающимся взглядом.

— Через полчаса встретимся здесь же. Сильва можешь пока пройтись вместе с Ахероном, если хотите разумеется. — Ничего более не говоря Демиан следом уже уселся на скамейку, тогда как его мысли унеслись в неизвестном никому кроме него направлении.

Кивнув мужу, Сильва направилась вместе с сыном к статуе великой матери. При входе она уже приобрела несколько свечей, поэтому тут же доставая из своей сумочки одну из них немедленно передала Ахерону. Она с самого детства молилась Великой матери и Ярчайшему Свету, поэтому это делал и он, хотя она никогда и не принуждала его к этому.

Ахерон никогда не собирался полностью посветить всего себя вере или становится священником, однако он все равно почитал церковь и верил в Великую мать и Ярчайший Свет, как и его мама. Читая молитву, он зажег свечу, одновременно с этим ставя ее под статую. Его свеча была далеко не первой, ведь к этому моменту под ней стояло уже много сотен горящих свечей, тогда как сторевших были уже многие тысячи.

Вместе с матерью он прошелся по большей части доступного помещения церкви, то и дело молясь и зажигая свечи. Здесь он словно чувствовал себя как никогда спокойно и умиротворенно, однако усталость вскоре все равно начала одолевать его.

Полчаса прошли довольно быстро и вскоре они оба вернулись к тому месту, где до сих пор сидел Демиан, с лицо которого не сходила маска задумчивости. Ничего не говоря, он неспешно поднялся и направился обратно в комнату, где до сих пор стоял священник, ныне ожидающий их. Кивнув им и дав знак идти за ним, он неспешно направился вглубь церкви, тогда как троица последовала напрямиком за ним.

Подземная часть церкви была еще больше, чем наружная и здесь Ахерон был впервые, поэтому жадно поедая глазами все, что видел, кружа головой по сторонам. Однако, к его сожалению, все комнаты, ведущие неизвестно куда были заперты, лишь изредка приоткрываясь входящими и выходящими туда и обратно священниками и даже рыцарями церкви. Сквозь щели он порой видел очень высоких и выразительных людей, непохожих на обычных служителей, однако ему не хватало ни времени, ни зрения понять кем они были при церкви.

Продолжая идти, он осматривался везде, до куда мог дотянуться его взор. Сильва же лишь приглядывала за ним, в то время как Демиан смотрел только вперед, а его лицо, казалось, ничего не выражало. Лишь иногда легкое подергивания глаза выдавало его не совсем беспечное состояние, однако неизвестно какую эмоцию он испытывал на самом деле.

Тем не менее время лишь продолжало свой неумолимый ход и уже через несколько минут священник наконец остановился возле обычной на вид двери, переводя взгляд на троицу.

— Епископ Лаура за этой дверью в ожидании вас. Можете заходить, а я тем временем буду ждать вас здесь и отведу обратно после того, как ваши дела здесь будут окончены. Пожалуйста, если вдруг каким-то чудом меня здесь не окажется, никуда не отходите.

Сказав все, что нужно было сказать священник остался стоять, тихо читая молитву, более не обращая на троих гостей никакого внимания. Ему не хотелось оставаться здесь стоять, но не служителям запрещалось бродить по подземной части церкви, поэтому он был вынужден проследить, чтобы они вышли также, как и вошли. Если вдруг окажется, что люди, которых он привел в подземную часть церкви даже с позволения епископа, рыщут повсюду, то не сносить ему головы.

Демиан же в этот момент не собирался более тратить время, и не задумываясь, как и не обращая уже никакого внимания на слова священника тут же открыл дверь и зашел внутрь, а следом за ним вошли и Ахерон с Сильвой.

Глава 11. Лаура, епископ церкви.

Комната, которая в этот момент предстала перед Ахероном, отличалась от других в церкви лишь тем, что вместо множества людей тут находилась только одна девушка, стоящая сейчас на коленях и читающая молитву перед статуей Великой матери. Под ногами статуи была только одна ярко горящая свеча, та, которую из раза в раз зажигает лишь один человек в этом месте — Лаура, епископ церкви.

— Я была удивлена, когда мне сообщили, что лично барон Демиан просит встречи со мной. Никогда бы не подумала, что вы переступите порог церкви. — Лаура продолжала сидеть с закрытыми глазами, тогда как лишь ее тихий голос разнесся по комнате.

Она говорила шепотом, однако ее слова отчетливо прозвучали, казалось, прямо возле ушей Ахерона, отчего мурашки то и дело начали проскальзывать по всему его телу.

— Порой жизнь вынуждает действовать нестандартно. — Демиан лишь беззаботно ответил, не удивленный тем, какими словами Лаура встречает его. Все же в прошлый раз они расстались на дурной ноте.

— И правда, порой даже подобный вам может обратиться к свету. — Слегка усмехнувшись, Лаура поднялась с пола и повернулась к троице, тогда как ее яркие и ясные желтые глаза уже впились прямо в Демиана.

Когда Лаура поднялась, Ахерон тяжело сглотнул, а его глаза расширились от удивления, ведь ее рост был более двух метров. Она возвышалась на целую голову даже по сравнению с его отцом, отчего он испытывал чуть ли не шок. Ее яркие, желтые глаза, словно пылали, казалось, что даже в темноте они будут разгонять мрак. Едва увидев ее, он тут же понял... она явно не простая девушка.

Лауре было лишь около двадцати лет на вид, однако то, с каким взглядом она взирала на Демиана говорило о многом. Ее длинные светлые волосы струились до пола, тогда как в них то и дело проскальзывала седина.

— Так чего же тебе надо от меня, Демиан? Решил поверить в Великую мать и Ярчайший Свет? — С легкой усмешкой Лаура могла только задать вопрос, лишь бегло пробегая взглядом по Сильве и Ахерону, спустя миг уже вновь возвращая взгляд на Демиана.

— Моему сыну сняться ужасные кошмары, в которых он не может проснуться. Они терзают его, тогда как они реальнее чего-либо. Мне кажется, на нем может лежать проклятие. — Не обращая внимания на второй вопрос Лауры, Демиан сразу перешел к делу. — Однажды я помог тебе... теперь и ты помоги мне.

Услышав слова Демиана, Лаура лишь усмехнулась, однако ничего более не сказала. Ее голые стопы медленно направились в сторону Ахерона, отчего он побледнел так, словно увидел призрака. С каждым шагом епископ казалось становилась лишь все выше, затмевая собою все. Никогда прежде он не видел кого-то столь высокого, не говоря уже о ее глазах, что словно зачаровывали смотрящего в них.

Подойдя вплотную к Ахерону, она протянула свою руку к его подбородку, поднимая его взгляд к своему, всматриваясь в глубины черных, как омут глаз. Ее руки были бледными и холодными, однако словно наполненными скрытой силой. Длинные ногти на руках, казалось, могли с легкостью порезать его кожу, но тем не менее ее хватка была крайне нежна.

— Твой сын явно не пошел в тебя, Демиан. Он такой хрупкий...

Чем больше Лаура говорила, тем сильнее Сильве не нравилось происходящее. Девушка перед ней хоть и была епископом церкви, казалась, как минимум необычной, тем не менее она ничего не говорила, считая, что ее муж разберется со всем явно куда лучше, чем она сама.

— Ты что-нибудь заметила? — Не обращая внимания на слова епископа, Демиан мог только немедля задать вопрос.

Его очень беспокоил случай с Ахероном, в противном случае, как и сказала Лаура он бы никогда не пришел в церковь. Он не одобрял ни их веру, ни их скрытые действия, свидетелем которых он однажды стал. Однако епископ и впрямь могла избавиться от проклятия, если таковое действительно было наложено на его сына.

— Я не вижу никакого проклятия, однако что-то странное в нем все же есть, но это, однако, не похоже ни на что с чем я раньше имела дело... интересно. — Опуская подбородок Ахерона, Лаура вновь взглянула на Демиана. — Я читала медицинские трактаты о болезни твоего сына... случай и впрямь уникальный. Я проведу свое особое очищение, и если на нем и есть какое-то зло, то оно будет уничтожено.

— И что же такого странного ты увидела? — Упервшись взглядом в Лауру, Демиан тут же процедил сквозь зубы.

С каждой секундой и каждым новым словом, епископ раздражала его все сильнее. Вместо того, чтобы сказать все как есть и по делу, она с самого начала юлит и старается задеть его за живое.

— Я вижу, что он умирает... гниет заживо. — Посмотрев напрямик в глаза Ахерону, Лаура тут же продолжила быстро говорить, даже прежде, чем Демиан успел ее остановить. — Он умрет уже через несколько лет...

— Замолчи! — В этот момент Демиан мог только в ярости закричать, отчего Лаура тут же подняла на него не менее гневный взгляд, тогда как ее желтые глаза опасно сузились. Тем не менее спустя миг лишь легкая улыбка осталась на ее прекрасном лице.

— Так это был секрет? — Посмотрев вновь на Ахерона, что дрожал, словно осинный лист на ветру Лаура могла только неловко пожать плечами. — Откуда мне было знать? Ты сам пожелал, чтобы я сказала все как есть... ты же не можешь меня винить за свои собственные ошибки и правду? — Переведя взгляд на Демиана, что казалось в любой момент мог взорваться от ярости она лишь усмехнулась. — Или можешь?

Сейчас Демиан мог только гневно смотреть на эту подлую девушку-епископа, в глубине души уже сожалея, что вообще решил прийти сюда. Сцепив зубы, он тут же перевел взгляд на дрожащего Ахерона, что только сейчас осознал свою участь, а его сердце наполнилось невыносимой болью, в то время как у самой Сильвы глаза уже, так и вовсе были на мокром месте.

— Ты говорила, что однажды сможешь мне, но пока единственное, что ты делаешь - это вредишь. Чего я только ждал от подобных тебе... Ахерон, Сильва мы уходим! — Едва слова мужа раздалось в комнате, как Сильва тут же взяла Ахерона за руку, собираясь выйти за дверь, однако Лаура немедля остановила их.

— Пойдите. Я была излишне груба. — Слегка склонив голову, Лаура перестала улыбаться, серьезно посмотрев на Демиана. — Услуга за услугу, я проведу очищение и сделаю все что смогу, чтобы ты не думал, будто епископы церкви не знают чести.

Демиан внимательно посмотрел на Лауру и увидев, что фальшь наконец исчезла с ее лица тяжело кивнул. У него не было выбора, в противном случае он не стал бы терпеть такое унижение его достоинства. Даже в прошлом он не терпел, лишь сейчас, и то, только потому что вынужден.

— Просто выйдите все... кроме тебя мальчик. — Еще прежде, чем Сильва или Демиан успели даже возразить, Лаура уже строго взглянула на них, продолжая говорить. — Это обязательно. Я никак ему не наврежу, клянусь Великой матерью и Ярчайшим Светом.

После клятвы, Демиан мог лишь согласиться, хотя и не до конца доверял Лауре. Сильва же так и вовсе до самого конца не хотела уходить, однако после настойчивого объяснения от мужа все же вышла вместе с ним из комнаты, лишь подбадривая сына, веля ему не беспокоиться.

Лаура же в свою очередь немедля начала собирать какие-то неизвестные Ахерону вещи, среди которых была чаша, непонятная сухая трава, куча оберегов и много всего прочего, словно она готовилась к какому-то неясному ритуалу.

Спустя минуту Ахерон уже смог немного успокоиться, и оттолкнув страх на задворки сознания тут же посмотрел на Лауру, такую красивую и одновременно с этим ужасающую и пугающую девушку. Он должен узнать...

— Это п-правда? — Сейчас Ахерону хватило мужества лишь на эти два слова, и то произнесенные шепотом, настолько тихо, что казалось, епископ и не услышит их.

Собрав все что нужно, Лаура к этому моменту уже неспешно начала обходить всю комнату, то и дело зажигая повсюду свечи, освещающие каждый уголок комнаты своим тусклым светом.

— Что именно дитя? — Словно задав вопрос просто так, Лаура тут же продолжила говорить, не давая Ахерону вновь собраться с мужеством, дабы он смог дать ответ ее словам. — Правда ли то, что я сниму с тебя проклятие если такое есть - да. Правда ли то, что ты медленно умираешь, словно сгнивая заживо - да.

На последнем предложении епископа, лицо Ахерона могло лишь вновь побледнеть, а сам он даже начал слегка трястись. Мысль о том, что ему осталось жить всего несколько лет казалась иллюзией, дурным сном, навеянными кошмарами. Однако похоже... это была горькая, скрываемая от него правда.

— Может... может я так и не проснулся? Может... я до сих пор вижу кошмар?

Мысли Ахерона начали блуждать, подгоняемые страхом, однако Лаура вскоре закончила все свои приготовления, доставая последний нужный ей элемент — святой трактат, казалось, полностью сделанный из золота.

— На протяжении всего очищения ты должен делать все, что я тебе говорю. Это понятно?

На строгий вопрос епископа Ахерон мог лишь испуганно кивнуть, тогда как Лаура в свою очередь уже велела ему немедленно присесть, вместе с этим садясь на против него. Ее длинные бледные пальцы следом уже аккуратно открыли книгу сразу же на нужной ей странице.

Посмотрев на страницу книги, Ахерон со своим скудным познанием в языке церкви смог понять лишь несколько слов, и то получалась лишь какая-то бессмыслица. Бросив взгляд на любопытного мальчика, Лаура лишь усмехнулась, не обращая более внимания на его детское любопытство.

— Мы сейчас начнем. Запомни, я буду молиться за тебя, а ты должен держать эту куклу. Твои мысли должны быть только о твоих кошмарах и плохих снах, ни о чем больше. — Не дожидаясь кивка Ахерона, Лаура тут же вручила ему в левую руку куклу, сделанную словно одноруким сумасшедшим из непонятно чьей кожи, лихорадочно скрепленной бесчисленными веревками. — Обязательно думай о кошмарах, что тебя мучали, таким образом я смогу загнать проклятие, если таковое есть в эту куклу, а после и уничтожить его.

Больше ничего не говоря, Лаура тут же начала молиться, в то время как Ахерон то и дело начал вспоминать кошмары, что ему снились. Хотя ему было и больно это делать, он тем не менее старался изо всех сил, вспоминая во всех деталях.

Темп Лауры с каждой секундой начал ускоряться, а голос становился громче, тогда как Ахерону казалось, что его руку начинает ужасно жечь, словно он держит горящий камень. Кошмары то и дело начали сами лезть в голову, а мир тускнеть и терять краски. Свечи начали гаснуть одна за одной, погружая вскоре всю комнату, казалось, в абсолютный мрак.

Лаура читала все громче, а спустя минуту ее голос уже словно гроыхал по всей комнате, наполненной болью. Кукла же в руке Ахерона начала ужасно жечь его руку, однако даже если бы захотел, он не мог бросить ее, ведь она словно прилипла к его руке.

— Ч-что происходит?! — Вместе с этой мыслью паника тут же начала овладевать сердцем Ахерона, однако он лишь продолжал терпеть, стискивая зубы от боли.

Только спустя несколько минут, когда он уже чуть ли не кричал от невыносимой боли в своей руке, голос Лауры вдруг резко оборвался и в один миг все свечи вновь зажглись, изгоняя из комнаты всю темноту и мрак.

Ахерон в этот момент мог только мгновенно отбросить от себя куклу в угол комнаты, следом уже с криком и ужасом смотря на свою почерневшую ладонь. Она казалась обугленной, и вся в трещинах, наполненных запекшейся кровью, в которых проглядывались очертания какого-то неясного знака. Боль была ужасной, даже сильнее прежнего, словно рука до сих пор держала куклу, что пылала, как раскаленные угли.

Демиан стоявший до этого снаружи не слышал не единого звука во время ритуала, однако, как только тот закончился, то ужасающий крик Ахерона отчетливо послышался через дверь. Не думая, он тут же использовал всю свою силу, сметая дверь с петель и забегая в комнату, тогда как паникующая Сильва последовала за ним.

— Ахерон! Что произошло?! — Демиан тут же оценил обстановку, однако, когда он бросил взгляд на обугленную ладонь Ахерона, то словно обезумел от ярости, мгновенно доставая меч. — Как ты посмела навредить моему сыну, Лаура?! Неужто клятва для тебя пустой звук?!

Сейчас голос Демиана был наполнен поистине невиданной яростью и кровожадностью, тогда как Сильва уже немедленно подбежала к сыну, а смрад горелого мяса ударил в ее нос. Из трещин на его обугленной ладони то и дело продолжала сочиться кровь, капая на пол.

Демиан же, даже не дожидаясь объяснения Лауры, которая словно находилась в прострации, неистово бросился на последнюю, желая схватить ее и провести допрос. Он понимал, что поступает неразумно, однако давно скопившаяся ярость вместе с видом сына, кричавшего от боли, затуманили его полный пройденных войн разум.

Скорость отца сейчас казалась Ахерону поистине поразительной, лишь краткая секунда и он уже оказался стоящим над Лаурой, что до сих пор не пришла в себя. Рукоять его меча была нацелена на ее висок, тогда как скорость его движущейся руки будто вызывала свист ветра.

Но как бы там ни было, Лаура тут же почувствовала искру опасности, а ее желтые глаза мгновенно распахнулись. Она тут же начала отклонять голову, однако может из-за того, что она до сих пор не отошла от ритуала, а может из-за того, что Демиан напал слишком неожиданно, она не успела полностью увернуться. Рукоять меча уже в следующее мгновение тут же рассекла ей бровь, а горячая кровь мелкой дорожкой устремилась через ее глаз, стекая по подбородку на пол.

— Демиан, еретик! Ты заплатишь за свое безрассудство! — Увидев свою кровь, что стекала на пол Лаура казалась вмиг обезумела от ярости, следом уже скаля зубы.

Никто и никогда не смел нападать на епископа, тем более в самом сердце церкви. Поняв, что действительно поступил неразумно Демиан тут же успокоился, мгновенно приводя свои мысли в порядок. Его ярости, словно и не было, следом заменяя собою покой. Тем не менее даже прежде, чем он успел убрать меч в ножны, над его ухом уже засвистел ветер, но он никак не мог уклониться, тогда как уже спустя миг множество мечей было приставлено к его телу со всех сторон.

— Барон Демиан, как вы только посмели ранить епископа церкви?! Это возмутительная наглость! Вы и ваша семья беретесь под стражу до тех пор, пока не будут выяснены все обстоятельства произошедшего!

В этот момент Лаура могла только гневно смерить Демиана своим пылающим взглядом, однако спустя краткий миг она смогла успокоиться и тяжело вздохнув лишь взглянула на последнего с невиданной неприязнью.

— Ты как обычно сначала подумал чем угодно, но только не своей головой. Я помогла твоему сыну, потому мой долг выплачен. На этот раз я спущу подобное тебе с рук... в последний раз! Убирайтесь, и чтобы я больше не видела вас здесь, в противном случае Демиан... — С

яростью взглянув на Демиана, что стоял со странной задумчивостью, Лаура словно выплюнула свои следующие слова. — Ты узнаешь на собственной шкуре, что такое гнев церкви!

После слов Лауры множество рыцарей, как и Демиан тут же сложили оружие, после чего под тяжелые взгляды они вывели троицу наружу церкви, более ничего не говоря. Если епископ решила не карать их за подобное, то рыцарям не зачем было лезть в эти распри.

Лаура в свою очередь лишь устало вышла из комнаты, чтобы отдохнуть и промыть рану. У нее до сих пор кружилась голова после ритуала, а сама она чувствовала себя странно, словно эмоции выплескивались через край. Она едва ли сдержалась, чуть ли не отдавая приказ обезглавить Демиана, что повлекло бы за собой бесчисленные проблемы.

В этот момент свечи в комнате догорали одна за одной, и вскоре вся комната уже погрузилась в кромешную темноту. Словно ожидая прихода мрака, в комнате тут же раздался извивающийся звук, а кукла, что до сих пор лежала на полу, казалось, была готова лопнуть в любой момент. Из ее сшитых частей с каждой секундой словно что-то выпирало, желая выбраться наружу. Тем не менее, не прошло и мига, как швы на кукле уже разорвались, выпуская наружу бесчисленных насекомых, что действовали словно маленькие ножки, вмиг унося куклу по направлению к каплям разбрызганной по полу крови.

Когда кукла коснулась крови по всей комнате раздался ужасающий стрекот бесчисленных насекомых, словно купающихся в несравненном блаженстве. Не прошло и нескольких секунд, как все капли крови уже исчезли, а сама кукла вмиг уползла в неизвестном направлении под мерзкий звук тысяч извивающихся насекомых.

Глава 12. Проклятый знак.

Когда Демиан, Сильва и Ахерон оказались снаружи они тут же спешно направились к ожидающим их рыцарям и карете, добираясь туда уже через пару минут. Множество взглядов видело, как рыцари церкви выгнали их, отчего гул голосов не смолкал ни на миг, и даже в главном холле церкви то и дело звучал тихий шепот обсуждения.

Ахерон сейчас так и вовсе едва сдерживал крики, и то лишь потому, что боль понемногу утихала, оставляя на виду лишь почерневшую, как уголь ладонь, которую Сильва к этому моменту уже прикрыла, чтобы никто не смог ее увидеть. Капли крови уже перестали сочиться наружу через трещины в ладони, однако по ним до сих пор легко прослеживался контур странного знака.

— Ахерон, быстрее подойди, я промою рану и перевяжу ее бинтом. — Проговорив с паникой, Сильва следом уже немедля достала из кареты множество лекарств и бинтов, в то время как двое рыцарей в этот момент уже стояли на охране, не смея никого подпускать ближе, чем на дюжину метров.

Хотя им и было ужасно интересно понять, что происходит, они тем не менее не смели слушаться приказа своего сеньора продолжая стоять и никого не подпускать.

Ахерон же в этот момент мог только плакать от боли, сжимая другой рукой запястье своей раненой, казалось, лишь это немного помогало уменьшить ужасную боль, что ежесекундно терзала его. А когда спешные слова матери донеслись до его ушей, он тут же направился к ней.

Взяв бутылку воды, Сильва тут же начала лить ее на левую руку Ахерона, тогда как чувство прохладной воды на словно бы раскаленной ладони хотя бы слегка, но притупили ужасающую боль.

Тем не менее Сильва и Демиан, что внимательно смотрели сейчас на ладонь сына не могли ни побледнеть, ведь на ней кровавыми прожилками прослеживался странный знак, лишь вид которого будто вызывал необъяснимое чувство страха.

— Д-Демиан... что... что с его рукой?! — Сильва выглядела так, словно в любой момент паника охватит ее, тогда как ее рука, державшая бутылку с водой, не могла перестать дрожать.

— Не знаю... я не знаю... — Сейчас Демиан и сам оказался в каком-то исступлении. Он просто не мог понять, что происходит. С того момента, как он услышал крик Ахерона все пошло наперекосяк, и лишь сейчас он начал постепенно приходить в себя. — Это похоже на какой-то проклятый знак... Ахерон, расскажи во всех подробностях что произошло, когда мы вышли.

Ахерон же сейчас мог только проигнорировать слова отца, продолжая смотреть на свою дрожащую руку. Боль с каждым мгновением утихала все сильнее, а кровавые прожилки исчезали с невиданной скоростью. Только спустя минуту, он наконец понял, что боль шла исключительно от знака.

Видя изменения на руке сына, Демиан не стал настаивать на его ответе, лишь продолжая наблюдать вместе с женой, что едва сдерживала слезы, от шока прикрывая ладонью рот. Спустя несколько долгих мгновений странный знак, казалось, полностью исчез, и лишь присмотревшись и помня, как он выглядел можно было увидеть его блеклое эхо. И хотя знак и исчез, ладонь так и оставалась обуглено-черной, однако ни капли боли Ахерон уже не испытывал и никаких ран не было видно. Лишь обугленная, черная ладонь являлась доказательством всего произошедшего.

— Сильва... полностью перевяжи его руку. Мы немедленно возвращаемся в поместье. — Демиан мог лишь мрачно проговорить, направляясь к Бертраму и Сайло, следом уже говоря им, что нужно сейчас же возвращаться.

Сильва в этот момент могла лишь кивнуть на слова мужа, спешно смазывая ладонь Ахерона непонятным для него гелем и плотно обвязывая руку бинтами, чтобы ни единого черного пятнышка не было видно.

Спустя несколько минут, спешащие Бертрам и Сайло уже подготовили лошадей и карету к отправке, поэтому забравшись внутрь Сильва, Ахерон и Демиан немедленно направились в сторону поместья, оставляя позади себя как Игрид, так и церковь Ярчайшего света.

— Ахерон теперь расскажи все что произошло. — Усевшись и убедившись, что повозка наконец тронулась Демиан незамедлительно потребовал от сына ответа.

— Я... я не совсем уверен. Начался какой-то непонятный ритуал, а следом Лаура начала читать молитву и сказала мне держать какую-то куклу, чтобы изгнать проклятие туда, если таковое есть. — Ахерон продолжал смотреть на свою левую руку, ныне полностью покрытую бинтами вплоть до кисти, даже сейчас он не мог до конца понять, что же произошло. — Кукла... она начала жечь мою руку словно была раскаленной. Я не мог бросить ее... просто не мог. Потом свечи потухли, и мы оказались в полной темноте, но спустя несколько мгновений Лаура закончила молитву и тогда свечи зажглись вновь, а я тут же выбросил куклу, и моя... моя рука стала такой.

Вскоре Ахерон закончил рассказ, а слезы выступили у него из глаз. Если раньше он не был уверен, то теперь и сам понимал, что на нем действительно какое-то проклятие. Болезнь, кошмары... теперь это. Он словно действительно начал чувствовать, как медленно умирает.

— Я ничего не слышал пока был ритуал... может это какая-то магия Лауры? — Демиан не слишком удивился этому, он знал, что некоторые епископы способны на подобное, поэтому не придавал этому особое значение. — Если она закончила ритуал, а судя по рассказу Ахерона так и есть, то проклятие должно быть в кукле, но почему тогда эта метка появилась и действовала после ритуала? Может проклятие так и не попало в куклу?

Сейчас Демиан мог только тихо сидеть и продолжать мрачно размышлять. Во всем этом деле его смущало множество вещей, и слишком многое казалось странным с самого начала.

— Надо будет узнать, что с куклой. Я уверен, что после ритуала их сжигают в святом огне церкви, поэтому скорее всего этот вопрос закрыт... но почему я испытал такую ярость и что это черт возьми за знак на руке моего сына?

Демиан не мог ничего придумать, ведь он привык рубить своих врагов мечом, однако проклятие разрубить он был уже не в силах, отчего мог лишь негодуя качать головой от всех свалившихся ему на голову проблем.

— Хотя Лаура и прогнала нас после того, как я на нее напал, однако я все равно потребую от нее ответ в письме. Посмотрим, что она скажет. Я также приглашу некоторых знахарей и знатоков проклятий, может они смогут понять, что же произошло.

Сильва лишь кивала на слова мужа найдя в них какое-никакое умиротворение, продолжая в свою очередь успокаивать и Ахерона, обещая ему во всем разобраться и что тому не стоит переживать. Все же лучше придерживаться хоть какого-то плана и держать себя в руках, чем бессильно плакать в ожидании чуда.

— Ахерон. — Внимательно посмотрев на сына и лишь убедившись, что тот его внимательно слушает, Демиан предельно серьезно продолжил. — Никому, ни при каких обстоятельствах ты не должен показывать свою руку, даже своим сестрам. Ты понял меня?

Ахерон тут же испуганно заерзал, очевидно, он понимал, почему отец так говорит. Если церковь или кто-либо еще смогут выявить в нем носителя проклятия, то может его и не сожгут заживо, как некоторых, однако у него будут очень большие проблемы. Его могут запрятать куда угодно во избежание распространения.

— А ч-что мне говорить тогда? — Тихо прошептав, Ахерон мог только посмотреть на отца, тогда как его язык все еще продолжал заплетаться от испытываемого шока и ужаса.

Страх, который он испытал и испытывает до сих пор не позволял ему окончательно собраться с мыслями, а в голове то и дело всплывал знак, горящий на его обугленной ладони.

— Просто говори всем, что ты обжег руку и теперь вынужден скрывать уродство, но ни в коем случае не показывай. Ты дворянин, потому тебя не посмеют заставить, боясь ошибиться, ведь в таком случае не сносить им головы. Даже если прижмут, то продолжай все отрицать до самого конца.

Демиан старался придать своему голосу и серьезность и легкость, однако Ахерон лишь продолжал хандрить, то и дело пусто кивая на его слова. Даже Сильва старалась его подбодрить, однако ничего не выходило. Он словно засел в собственных мыслях, чего раньше никогда не случалось.

— Ахерон, посмотри на меня. — Демиан тут же позвал своего сына, понимая, что должен хоть как-то поднять ему его и так уже сломленный дух, аккуратно кладя руку ему на плечо. — Мы во всем разберемся, даю тебе слово. И ты не умрешь, понял? Ты будешь жить и проживешь так, как сам того захочешь. Не обращай внимание на то, что сказала эта Лаура. Я клянусь, Ахерон, все будет хорошо.

Лишь после последних слов отца Ахерон слегка успокоился. Немного поев и выпив воды, он тут же облокотился на колени матери, а его веки начали закрываться под тяжестью усталости. Демиан решил не шуметь, давая сыну отдохнуть, тогда как Сильва начала тихо рассказывать сказку. Добрую, приятную и такую мирную... сказку, в которой может быть лишь одно только добро.

— Засыпай мой милый мальчик, сладко спи. Не пробудит тебя шум, а лишь свет зари. Не увидишь ты плохого, лишь будешь счастьем окружен... — С каждым словом глаза Сильвы начали увлажняться, однако видя умиротворенные и закрытые глаза своего сына, который так сладко спит, она лишь продолжила еще тише прежнего. — И друзей вокруг себя ты соберешь. И не убоишься ты злодеев, ведь злодеев нет. Окружен ты лишь друзьями... милый Ахерон.

Спустя несколько мгновений в повозке уже было слышно лишь тихое и мирное сопение, разбавляемое только тихими всхлипами огорченной матери.

Глава 13. Тот, кто проклят. Часть 1.

Пока Ахерон спал, в его мыслях, то и дело мелькала уродливая кукла, лежащая у него на ладони. Она продолжала жечь его левую руку, а он мог лишь продолжать наблюдать как она постепенно становится все чернее и чернее, в то время как ужасающий смрад горелого мяса заполнял его ноздри.

Где-то далеко он слышал голос Лауры, что воспевала молитву, однако с каждым пройденным мгновением ее голос становилась лишь тише, тогда как жжение в ладони и запах горелого мяса все сильнее.

Он старался отбросить куклу, но будто бы не мог пошевелиться, вынужденный лишь продолжать терпеть эту агонию. Спустя несколько мгновений невидимые пути словно мигом спали с него, отчего он тут же выбросил куклу, уставившись на обугленную ладонь, на которой ярко горел странный и непонятный ему знак.

Ахерон понимал, что он спит, что эти события уже произошли, однако он все равно не мог ни проснуться, ни действовать так, как того хочет сам. Окружающий мир словно тонул в темноте, и даже Лаура, сидевшая напротив него, казалась находится ужасно далеко, лишь продолжая отдаляться с каждым прошедшим мигом. Уже сейчас он не слышал ее молитву, не мог разглядеть ее лицо, забывал ее имя...

Он поднялся, словно ведомый чем-то, тут же начиная неспешно направляться вперед. Он хотел выйти из комнаты, хотел позвать отца и мать, но все что он продолжал делать, так это медленно идти по направлению к валяющейся на полу кукле, что сейчас казалась ему даже еще более уродливой. Через миг его рука уже опустилась и подняла ее, а она сама казалась сейчас как никогда тяжелой, словно переполненная водой, то и дело переливавшейся, с одной стороны, на другую.

Но как бы там ни было, Ахерон сейчас не мог ничего сделать, лишь продолжая держать куклу в своих руках. Он был словно зрителем, но одновременно и самим собой. Его рука в неясном порыве лишь слегка сжалась, отчего уродливая кукла мгновенно лопнула, тогда как из нее бесчисленным роем по его руке уже побежало множество различных насекомых.

От шока и мгновенно отхватившего его ужаса Ахерон мог только тут же закричать, но спустя мгновение, он словно мигом вынырнул из темноты, окружавшей его.

Ахерон резко распахнул глаза, наполненные страхом, тут же поднимаясь с колен матери, которая сейчас тихо спала. Он не закричал и не заплакал, лишь ужасно устал от всего. Устал от своего немощного тела, от страха и ужаса, от горя, печали и ноши, что вынуждены нести его родители.

— Может мне просто сдаться... — Мысли Ахерона отдалялись все дальше, а сам он хотел вновь заснуть, однако спустя миг в повозке уже раздался тихий голос его отца.

— Снова кошмар? — Демиан лишь внимательно наблюдал за сыном, тогда как его голос был спокоен и наполнен уверенностью. Он и так знал ответ на свой вопрос, достаточно было лишь взглянуть на бледное лицо сына, покрытое испариной.

Ахерон в этот момент мог лишь кивнуть на слова отца, окончательно избавляясь от дремоты, следом уже поднимаясь и усаживаясь поудобнее. Его взгляд направился в окно повозки, за которой снова была одна только темнота и мрак.

— Мы уже скоро прибудем. Осталось около получаса пути. Ты помнишь, что должен говорить? — Видя каким рассеянным был его сын, Демиан просто не мог ни напомнить. Он слишком переживал о том, что Ахерон мог сболтнуть лишнего, тем самым навлекая беду.

— Я все помню пап, не волнуйся. — Ахерон серьезно кивнул и только после этого Демиан смог слегка расслабиться.

В королевстве не один раз происходили случаи, когда кто-либо оказывался носителем того или иного проклятия. Некоторые были легкими, поэтому избавиться от них не составляло труда, однако могущественные проклятия могли вызвать даже целые эпидемии, поэтому при обнаружении, таких людей сразу же изолировали, а порой и сжигали на кострах, ведь церковь относилась к такому с предельной серьезностью.

Сначала Демиан думал, что даже если на Ахероне и есть проклятие, то Лаура легко его снимет, но все оказалось намного хуже, чем он мог даже себе представить. Обугленная ладонь и пылающий знак... если о подобном будет распространено, то даже он не сможет защитить своего сына от церкви.

— Лаура... главное, чтобы она не заинтересовалась этим случаем. Она единственная, кто видел и кто имеет власть начать расследование против меня и моего сына. Возможно, рыцари тоже видели, но это маловероятно, ведь Сильва успела прикрыть Ахерона..

При мыслях о том, как он расстался с Лаурой горький привкус поражения то и дело проскальзывал на его губах. До сих пор он не мог понять причину своей ярости и подобных действий.

— Видимо я действительно постарел... — Вздохнув от усталости Демиан лишь прикрыл глаза, продолжая размышлять о многочисленных действиях, которые ему еще предстоит предпринять.

Спустя полчаса карета наконец остановилась, а Демиан уже легонько пошевелил Сильву, от чего та тут же проснулась. Тем не менее пока она приходила в себя, Ахерон в свою очередь уже с кряхтением выбрался из кареты, дожидаясь возле нее и глубоко вдыхая прохладный ночной воздух.

— Похоже я слишком измоталась в дороге... прости дорогой. — Тихо проговорив, Сильва могла только бросить неловкий взгляд на мужа.

Она действительно чувствовала себя ужасно, даже сейчас. Произошедшее с сыном не давало ей покоя, однако Демиан чувствовал себя явно ненамного лучше, поэтому ей было слегка неловко, что из них троих лишь он один так и не отдохнул.

— Не обращай внимания, Сильва. Ты же знаешь, я могу не спать и дольше, все хорошо. — Демиан лишь махнул рукой, не обращая на это внимания, отчего Сильва лишь с любящей улыбкой кивнула.

Все же как рыцарь, ее муж действительно был намного выносливее обычных людей, поэтому она больше не собиралась заострять на этом внимание. Не думая, она тут же последовала наружу за сыном, тут же набрасывая на его плечи теплое одеяло.

— Ахерон, хотя сейчас и лето, но ночью ты можешь заболеть. Побереги себя. — Тепло улыбнувшись Сильва мягкими движениями приладила одеяло к плечам Ахерона, чтобы оно не спадало, и не удержавшись поцеловала сына в макушку.

Ахерон посмотрел на свою маму с благодарностью, однако ее взгляд, что всегда был чист и ярок сейчас снова был затемнен переживаниями и печалью, отчего он мог лишь испытывать стыд и печаль, ведь именно он является причиной всех этих проблем.

— Ненавижу это слабое тело... ненавижу эти кошмары... ненавижу этот страх. — Ахерон мог только мягко улыбнуться матери, однако отвернувшись улыбка тут же слезла с его лица, заменяя собою мрачное выражение, тогда как впервые в жизни он понял, что такое искренне ненавидеть что-либо.

Тем не менее уже спустя он мог лишь перевести взгляд на прибывших людей. Сейчас была поздняя ночь, поэтому только некоторые слуги, в том числе Вильгельм и Мирейн встречали прибывших с дороги хозяев поместья.

— Вильгельм, Мирейн. — Кивнув Демиан сразу же перешел к делу. — Как девочки?

Хотя их не было всего лишь чуть больше суток Демиан все равно не мог ни спросить, ведь на протяжении последних дней все вечно идет не так, как надо. Он уже будто бы везде видел какую-то подлянку.

— С ними все в порядке. Они уже давно спят, поэтому мы и Августо решили, что лучше не стоит будить их. — Мирейн немедля ответил, тогда как по лицу Демиана он уже понял, что поездка в Игрид явно не принесла плоды.

Кивнув, Демиан тут же велел всем слугам разойтись, оставляя лишь ожидающую Лису, которой велел приготовить еду, а после вновь продолжать следить за Ахероном. Двух рыцарей, Сайло и Бертрама он также отпустил отдыхать, понимая, что они тоже довольно сильно вымотались.

— Сильва, Ахерон идите отдыхайте. Завтра будет новый день и новые результаты. — Переведя следом взгляд на двух самых близких рыцарей, Демиан тут же продолжил. — Мирейн, Вильгельм нам нужно поговорить. Через четверть часа жду у себя кабинете.

Договорив, Демиан следом уже незамедлительно направился к себе. Ему предстояло написать не одно письмо и впереди еще ожидало не мало важных разговоров. Сон явно подождет.

— Миледи, ваша милость. Я сейчас же разогрею вам еду, так что вы можете уже направляться в зал. Я все принесу туда. — Поклонившись и получив кивок от Сильвы, Лиса тут же направилась на кухню. Еда уже была готова, нужно было просто сделать ее вновь горячей и подать к столу.

Ахерон в этот момент вместе с матерью направился в гостиный зал, тогда как он сам по пути только и делал, что с беспокойством продолжал смотреть на свою забинтованную руку. Еще в карете, Сильва вновь забинтовала ее, но на этот раз уже неспеша, чтобы ни в коем случае бинт не смог как-либо слезть с его руки, однако он все равно не находил себе места от беспокойства.

Добравшись до комнаты и усевшись, Сильва и Ахерон принялись ждать, тогда как уже спустя около пятнадцати минут Лиса принесла множество разных блюд, словно только что вытащенных из печи. Повара предполагали, что они могут вернуться примерно в это время, поэтому множество еды уже было подготовленно, оставалось лишь ее подогреть и подать.

— Миледи, ваша милость, приятного аппетита. Я скоро принесу чай. — Договорив, Лиса хотела уже было развернуться и направиться на кухню, однако голос Сильвы тут же заставил ее замереть.

— Не нужно, Лиса, присядь. Нам нужно поговорить.

Сейчас Сильва говорила с предельной серьезностью, отчего Лиса не могла не побледнеть, усаживаясь за стол. Мысли о том, что ее хотят выкинуть из поместья то и дело мелькали в голове. Тем не менее следующие слова, вышедшие с уст баронессы заставили ее слегка расслабиться.

— Ахерон обжег руку пока мы были в пути. Ты должна следить, чтобы он ни в коем случае не снимал бинты без меня, тебе ясно?

Услышав слова Сильвы, Лиса на миг опешила, не совсем понимая, что именно хозяйка от нее хочет. Просьба показалась ей слегка странной, однако она могла лишь нерешительно кивнуть, продолжая неуверенно говорить:

— Миледи, мне нужно менять ему бинты....

— Нет! — Едва Сильва услышала слова служанки, как несдержанный выкрик тут же вышел из ее рта. Тем не менее уже спустя миг она поняла свою ошибку, следом лишь продолжая спокойно говорить, словно ничего и не было. — Тебе просто нужно следить, чтобы бинты не спадали с его руки, и он сам их случайно не снял. Это буквально все. Теперь ты поняла?

Дослушав слова баронессы, Лиса тут же торопливо закивала, словно курица, клюющая зерно, то и дело испуганно поглядывая на Ахерона. Ее взгляд смутил его, поэтому он мог лишь

смотреть в свою тарелку, набивая рот едой и не осмеливаясь посмотреть ей в глаза. Он уже представлял как ему будет неловко лгать каждому встречному о своей руке, но выбора у него попросту не было.

— На этом все, Лиса. Будь добра, приготовь нам чай, а после можешь вместе с Ахероном вернуться отдыхать. Сама тоже поешь, если хочешь.

После слов баронессы Лиса снова закивала, спешно направляясь на кухню, чтобы приготовить чай, одновременно с этим набивая рот едой. Хотя она никогда не голодала в поместье, а еды было вдоволь проблема заключалась в том, что порой она просто не успевала поесть. Однако это не касалось последних суток, ведь теперь ее единственная задача следить за Ахероном, но она все равно не могла ни поесть еще раз, ведь это уже было своего рода привычкой.

Через некоторое время чай был готов и Лиса аккуратно разлила его по чашкам, после чего поклонившись, снова ушла на кухню, оставляя Сильву и Ахерона одних. Ей еще нужно было принести еду барону, поэтому она не смела медлить.

— Ахерон, я уверена отец уже сказал тебе повторно, но никому... понятно? — Поняв, что они остались одни Сильва не могла не повторить, ведь ее, как и Ахерона продолжала беспокоить проблема странного знака и черной ладони.

Услышав слова матери Ахерон мог лишь устало вздохнуть, ведь он уже понял с первого раза, а ему до сих пор говорят про это, теребя рану. Однако видя беспокойное лицо матери он мог лишь подавить раздражение и серьезно кивнуть.

Спустя несколько минут, после того как выпил чай, Ахерон уже немедля поднялся, собираясь идти в свою комнату, тогда как Лиса, уже вернувшаяся к этому моменту, немедля подошла к нему. Тем не менее ее взгляд зеленых глаз сейчас то и дело перескакивал с него на оставленную посуду.

— Можешь оставить посуду. Другие слуги завтра все сами уберут. Иди с Ахероном и не отходи от него ни на шаг. — Безразлично махнув рукой на посуду, Сильва могла только отпустить Лису. Все же грязная посуда на столе сейчас ее волновала меньше всего. Да и в любом случае слуги по утрам и так все уберут.

— Поняла... — Поклонившись, Лиса могла только кивнуть и пожелав доброй ночи баронессе, направиться вслед за Ахероном, который уже неспешно и крайне устало шел к себе в комнату.

Глава 14. Тот, кто проклят. Часть 2.

Сейчас Лиса лишь медленно шла вслед за Ахероном, не решаясь говорить что-либо. Она до сих пор помнила тот ужас, с которым он смотрел на нее, после того как с криком проснулся от непонятного кошмара, отчего ей было даже немного не по себе.

— Милорд и миледи уехали в тот же день... Видимо произошло действительно что-то серьезное. Может... девочки правы и Ахерон проклят? Тем более его рассказ о кошмаре... — Чем больше Лиса обдумывала произошедшее, тем страшнее ей становилось.

Когда Ахерон с родителями в спешке уехали из поместья множество слуг не находили себе места, а в поместье не стихал тихий шепот обсуждений. Если бы не Августо, что строго настроено запретил обсуждать что-либо связанное с семьей Алетеев, то этот тихий шепот превратился бы в бурю обсуждений.

Сначала, когда все только произошло все подумали, что Ахерон пытался что-то сделать с Лисой, отчего та повела себя неразумно и избивала его, но увидев ее живой и здоровой спустя несколько часов эта мысль исчезла также быстро, как и появилась. Очевидно, избивание слабого здоровьем сына барона не сошло бы с рук никому, поэтому остальные слуги могли лишь доставать Лису, спрашивая, что же произошло на самом деле. Она продолжала молчать и разводила руками, поэтому остальным ничего не оставалось кроме как самолично обсуждать произошедшее и строить теории, одна из которых была поразительно близка к истине: Младший сын барона Демиана — проклят. Как только это предложение прозвучало, оно словно зацепилось за уста всех слуг поместья.

Подобный вывод слуг не был чем-то удивительным, ведь когда происходило что-либо странное, не знающие люди всегда винили темные силы и проклятия, однако в данном случае они действительно подошлись к истине, как никогда близко.

Тем не менее пока в голове у Лисы строились теории и размышления она и не заметила, как даже со столь медленным темпом уже оказалась прямо перед входом в комнату Ахерона, а сам он уже переодевался в другую одежду.

К этому моменту в комнате уже стояла дополнительная кровать, приготовленная для нее, а также все необходимые вещи, отчего Ахерон не мог ни удивиться, однако он чувствовал себя слишком плохо, чтобы у него были силы для стеснения или чего-то подобного.

Смотря на него, Лиса не могла ни заметить изменения, произошедшие с ним. Прошло казалось лишь более суток, а мрачный взгляд, казалась не сходил с его лица. После того, как ее размышления добрались до проклятий и темных сил, его темные, словно омут глаза для нее выглядели даже более чем пугающе. Не говоря уже о полностью покрытой бинтами руке, через слои которой не было видно ни единого миллиметра кожи, что показалось ей ужасно странным.

Хотя левая рука Ахерона была обугленной лишь на ладони, даже на пальцах все равно можно было разглядеть черные пятна, поэтому вся его кисть была плотно и умело обвязана бинтами, обхватывая каждый сантиметр кожи. Первое время ему было неудобно, однако спустя несколько часов в карете он уже полностью привык, даже не замечая различий, если конечно специально не обращать на это внимания.

— Лиса, можешь ложиться спать, мне ничего не нужно, а ты должно быть устала. — Переведя взгляд на застывшую девушку, Ахерон слегка улыбнулся, отчего Лиса тут же почувствовала себя ужасно, раз начала бояться этого милого мальчика, что только лишь недавно стеснялся, прося ее называть себя по имени.

Она работает в этом поместье уже не один год и можно сказать знает Ахерона достаточно хорошо. Он всегда был предельно добр, осторожен и почтителен даже со слугами, чего не скажешь о его сестрах. Хотя он и выглядел довольно неприглядно, особенно со своей хромотой, сутулостью и больным видом, добрее мальчика она еще не встречала. Он, казалось, всегда был готов помочь тем, кто попросит у него помощи и даже тем, кто не просит.

— Хорошо, Ахерон, ты тоже отдыхай. Если тебе что-то нужно сразу же говори мне, ведь за этим я и здесь. — Лиса быстро проговорила, отчего спустя миг даже слегка покраснела, поняв двусмысленность своих слов.

Ее неловкий взгляд тут же пробежал по лицу Ахерона, однако он вообще не обратил никакого внимания на ее слова, отчего она чувствовала себя предельно глупо, стесняясь мальчика почти вдвое младше нее.

Спустя некоторое время, уже зевая она тут же легла на кровать. Сначала она хотела подождать пока Ахерон уснет, однако чувствовала себя слишком уставшей, не говоря о том, что была середина ночи, отчего сон постепенно захватывал ее.

Разумеется Ахерон понял значение ее слов, но его мысли были забиты лишь о проклятом знаке на ладони и уродливой кукле, поэтому он просто не мог сосредоточиться на чем-либо еще. Решив немного отвлечься, он тут же взял одну из книг, лежащую на его столе и которую он уже читал множество раз.

Усевшись поудобнее на кровати, и открыв начало книги он тут же начал читать, однако сколько бы он ни пытался сосредоточиться, мысли все равно вновь возвращались к одному и тому же.

— Почему это происходит со мной...? Мне осталось жить всего несколько лет и даже так... даже так я не могу просто жить спокойно... почему? ПОЧЕМУ?!" — Подняв свою забинтованную руку и взглянув на нее Ахерон мог только яростно стиснуть зубы, тогда как невероятная обида вмиг захлестнула его.

Дорожки слез тут же начали катиться из его глаз, попадая на книгу и следом уже впитываясь в страницу. Он хотел безумно закричать, завопить, словно зверь, которого загнали в ловушку, из которой нет выхода, но не мог... просто не мог. Его сдерживала Лиса, находящаяся в комнате, его сдерживали спящие в других комнатах слуги, родители, что панически тут же бросятся сюда вместе с рыцарями. Он не мог закричать, вновь лишая их всех отдыха... не мог быть настолько слабым и эгоистичным...

В этот момент Лисе, что сейчас лежала на своей кровати и почти заснула показалось, словно она слышала тихий звук дождя, однако он прекратился также быстро, как и начался, поэтому спустя уже несколько мгновений она окончательно уснула. Казалось, не прошло и

мига, как в комнате продолжало звучать лишь легкое сопение и приглушенный скрип сжимающихся от ярости зубов.

Спустя около часа Ахерон так и не смог сосредоточиться на книге, а желание спать нарастало с каждым мгновением. Хотя до этого он спал довольно долго, но сейчас все равно чувствовал себя без сил. Его и так слабое после произошедших событий тело словно стало еще слабее. Глаза постепенно закрывались, а сам он вскоре провалился в объятия сновидений.

Сейчас Ахерон чувствовал себя ужасно голодным. Голод, казалось, пожирал его изнутри. Слюна бешено выделялась, будто в пришествии долгожданной еды, а зубы стучали и терлись друг об друга с невиданной яростью и злобой, словно разминаясь перед предстоящим ему пиром.

— Хочу есть... как же я хочу есть...

Ему казалось, словно пелена безумия, ярости и злобы окутывает его разум. Бесчисленные эмоции, словно хаотическая река проплывают в его сознании, но даже среди всего этого хаоса выделялось лишь одно особо сильное — голод! Он словно умирал, и лишь кусочек, маленький кусочек показался бы ему величайшим блаженством какое только можно испытать.

— Я... я хочу есть... умираю с голоду

Ахерону, казалось, что где-то далеко слышались безумные крики боли, воплей и стенаний. Но это не волновало его, как не волновала боль, исходящая от его ладони... лишь голод продолжал терзать его рассудок, напоминая о поиске пищи.

Ему казалось, нет... он чувствовал, что еда близко. Осталось лишь совсем немного, и он наконец сможет поесть. Запах... о этот блаженный запах, что словно сводил с ума. Лишь почувствовав его, ему казалось, что он взмыл на небеса, одновременно с чем голод стал просто невыносим.

— Интересно, что может так вкусно пахнуть? — Мимолетный вопрос пролетел в голове Ахерона, спустя миг смываемый непреодолимым голодом. — Я попробую кусочек... лишь маленький кусочек и после... после я пойду... пойду... куда?

Не прошло и мига, как Ахерон ощутил, словно что-то забыл, что-то очень важное, однако уже спустя очередной миг он отбросил ненужные мысли, что отвлекают его от прекрасного запаха долгожданной пищи. Он не стал медлить, тут же делая первый укус.

— Этот вкус... этот вкус... — Ахерон словно вознесся на небеса, настолько блаженно он себя ощущал. — Бесподобен!

Безумный возглас радости раздался изо рта Ахерона, после чего он начал безумно есть, кусочек за кусочком, минута за минутой... час за часом.

— П-почему я голодный... э-этого недостаточно! Этого все еще мало!

Крики то и дело раздавались вдалеке, а боль, отчаяние, печаль и страдания служили далекими отголосками этих воплей в ушах Ахерона, но он не обращал на это никакого внимания. Он слышал лишь голос, что звучал так близко, словно у самого его уха, голос, безумно повторяющий лишь одно единственное слово:

— Голод...

Открыв глаза, Ахерон медленно поднялся с кровати, в то время как его живот мог только продолжать невыносимо урчать от голода. Даже все его лицо и подушка была измазаны слюнями, отчего он не мог ни поморщиться от отвращения к самому себя.

— Я же поел перед сном, так почему я такой голодный? Еще и слюней напускал, как ребенок... блин... надеюсь, Лиса не видела этого. — Медленно поднявшись, Ахерон мог только негодуяще оглядеться, качая головой от досады.

К его счастью, в комнате был лишь он один, тогда как восходящее солнце уже било своими яркими и золотыми лучами в окно, освещая всю комнату.

Потянувшись, Ахерон уже собрался пойти завтракать, когда вдруг раздался легкий скрип и на открывшемся пороге показалась Лиса, которая тянула вслед за собой сервировочную тележку, полностью набитую едой и напитками. Взглянув на Ахерона, у которого в этот момент на всю комнату заурчал живот, она тут же прикрыв ладонью рот захихикала.

Ахерон тут же слегка смутился, понимая, что Лиса похоже проснулась от его урчащего живота и в последствии увидела жалкое зрелище, как его милость обливается слюнями во сне. Тем не менее, даже прежде, чем он успел что-либо сказать, Лиса тут же перебила его.

— Я ничего не видела. Садись кушать, еда готова. — Продолжая хихикать Лиса уже в следующее мгновение заботливо подкатила тележку напрямик к кровати Ахерона.

— Э-эм, спасибо Лиса, но я мог бы и поесть в зале. Не стоило так напрягаться. — С трудом поднявшись с кровати, Ахерон мог только покачать головой.

Все же сейчас он хотел сначала умыться и почистить зубы, прежде чем начинать есть. Сейчас во рту у него было какое-то странное, непонятное и даже слегка неприятное ощущение.

— Твой живот так урчал, что я боялась, если ты проснешься тут же набросишься на меня чтобы съесть.

— ...

После слив Лисы неловкая тишина вмиг прокатилась по комнате, а Ахерон покраснев от смущения мог только посмотреть на такую же покрасневшую Лису, что казалось хотела сгореть со стыда. Опять она протараторила, даже не обдумав слова, отчего хотела провалиться сквозь землю, тогда как они оба могли лишь стоять и глупо смотреть друг на друга.

— Ты же сказала, что ничего не видела... — Перестав краснеть Ахерон мог только неловко представить нелицеприятное зрелище себя, пускающего слюни, как идиот. — Ладно, я умываться.

Видя, что Лиса до сих пор обдумывает, где она снова ошиблась, Ахерон в свою очередь уже немедля направился в ванную комнату, примыкающую к его. Взяв щетку и добавив на нее травяной экстракт для очистки зубов и свежего дыхания, он тут же начал тереть зубы, однако резкая боль в следующее мгновение тут же заставила его чуть ли не выронить ее.

— Блин... как больно. Я что, поранился во сне пока жевал язык?

Недолго думая, Ахерон тут же протянул руку в рот, дотрагиваясь до дальнего зуба, от которого и исходила боль. Взяв его обоими пальцами, он решил лишь слегка его пошатать и проверить почему именно он болит. Тем не менее лишь легкое давление, как спустя миг зуб уже лежал в его окровавленной и дрожащей правой руке.

— Ч-что...? — Ошеломленно пробормотав, глаза Ахерона вмиг раскрылись от шока и ужаса, а сам он едва сдержал желание закричать.

Сплюнув в раковину, он мог видеть лишь кровь вперемешку с гноем, отчего его едва не вырвало. Ужас вмиг наполнил его сердце, а сам он даже не понимал, что ему делать. Он бы так и продолжал стоять в иступлении, переполненный шоком, однако за дверью уже раздался немного беспокойный голос Лисы.

— Ахерон, все в порядке?

Глава 15. Тот, кто проклят. Часть 3.

После того, как Ахерон вошел в ванну, Лиса уже спустя минуту услышала странный шум, поэтому не могла ни забеспокоиться. Он мог упасть в обморок от голода или чего-либо еще, поэтому она незамедлительно решила спросить в чем дело. Тем не менее, когда спустя несколько секунд он так и не ответил, ее беспокойство начало медленно перерастать в панику.

— Я собираюсь войти. — Вместе с этими словами, Лиса тут же дернула ручку и лишь после этого Ахерон будто вмиг пришел в себя, отвлекаясь от зуба, лежащего в его ладони.

Он тут же с кряхтением навалился на уже приоткрывшуюся дверь, тогда как его голос был наполнен едва сдерживаемой паникой. Он ни за что не мог позволить Лисе увидеть состояние, в котором находится, ведь она точно из-за беспокойства все расскажет его родителям.

— Все в порядке, Лиса. Я просто разговаривал сам с собой, не обращай внимания. — Ахерон старался говорить как можно более непринужденно, однако Лиса все равно заметила легкую дрожь в его голосе, но не придала этому значение, решив, что он просто стесняется ее.

— Ладно, поняла я, поняла. — Отходя от двери Лиса отмахнулась, потирая ушибленный лоб, тогда как Ахерон в свою очередь уже немедленно закрыл дверь на замок с легким щелчком, услышав который та могла лишь закатить глаза.

Поняв, что Лиса отошла, Ахерон снова немедленно подбежал к раковине, при этом быстро включая воду. Легкая струйка холодной воды потекла из колодца, и пройдя сквозь пароводяной подогреватель становилась с каждым мгновением все теплее. Спустя миг он тут же начал панически смывать кровь и гной, которые запачкали раковину, и лишь все убрал он наконец смог слегка успокоиться.

— Нельзя чтобы родители узнали, ведь у них и так хватает проблем. Все равно мне осталось жить всего ничего... — Слова Ахерона напугали даже его самого, однако он понимал, что вылечить его все равно не смогут, ведь всю его жизнь сделать это пытались многие, а потому смерть - лишь очевидный для него исход.

Он и сам всегда это понимал, даже до того, как Лаура открыла ему горькую истину своими устами. Он знал, что с каждым днем слабеет все сильнее и вскоре даже настанет такой момент, когда он не сможет подняться с кровати. Просто даже понимая это, он словно не мог до конца поверить. Лишь прожив каких-то девять лет, спустя еще несколько его уже ждут холодные объятия смерти. Хотя отец и утверждал обратное, он понимал, что это было лишь отрицание правдивой и горькой истины.

— М-может - это судьба? Может моя судьба... умереть? Ведь не просто же так я болею с самого детства... Может на то воля Великой матери и Ярчайшего Света?

Словно приняв нелегкую судьбу, Ахерон слегка успокоился, после чего посмотрел в зеркало, следом широко открывая рот. Остальные его зубы не болели, однако он чувствовал, насколько более хлипкими они нынче стали.

— Видимо со временем я потеряю все зубы... и буду словно беззубый старик, ожидающий смерти — Мрачно покачав головой, Ахерон мог только устало вздохнуть, на деле едва сдерживая слезы печали.

Спустя несколько минут отбросив ненужные мысли он тут же аккуратно запрятал зуб под ванную, после чего убедившись, что все тщательно убрано наконец вышел из ванной с легкой, непринужденно натянутой улыбкой.

— Чего ты так долго? Еда уже остыть успела! — Переведя взгляд на вышедшего Ахерона, Лиса могла только слегка недовольно пробубнить.

Тем не менее даже в ее непринужденном голосе все равно было скрыто легкое переживание. Разумеется, она увидела, что настроение Ахерона перевернулось на 180 градусов, как бы он ни пытался скрыть обратного. Это заставляло ее переживать за него в глубине души.

— Немного живот заболел, а так все отлично. — Слегка усмехнувшись, Ахерон тут же сел и принялся есть, ведь голод никуда не делся, лишь притупился новым переживаниями.

Он старался есть на другую сторону челюсти, так как рана от выпавшего зуба ужасно болела, однако даже так еда то и дело попадала туда, отчего он порой содрогался от боли, стараясь изо всех сил не быть замеченным Лисой. Немного поев, но толком так и не насытившись он отложил приборы. Ему до сих пор хотелось есть, однако боль сводила его с ума, поэтому он постарался как можно более неспешно идти по направлению к ванной комнате, чтобы промыть рот от остатков пищи.

Лиса ничего не сказала, лишь краем глаза посматривая за Ахероном, направляющимся в ванную. Она с самого начала замечала одну странность за другой, но решила не лезть, раз он сам не хочет ничего говорить.

— Может у него все же и правда заболел живот? — Немного подумав, Лиса вскоре отбросила ненужные мысли, лишь прислушиваясь к звукам в ванной, чтобы не произошло несчастных случаев, попеременно с этим убирая остатки еды и вынося тележку в коридор, чтобы ее забрали другие слуги.

Вновь зайдя в ванную, Ахерон аккуратно промыл рот водой, и лишь тогда боль отступила, отчего он наконец смог вздохнуть с облегчением. Он не собирался более медлить, быстро выходя наружу, чтобы Лиса не заподозрила неладного, однако едва он открыл дверь, как его уже встретили две пары глаз, смотрящих на него с невыразимой радостью.

— Ты наконец дома, братик! — Амелия и Камелия тут же подбежали к Ахерону, обнимая с двух сторон, однако их руки, обхватившее его, были явно наполнены излишней силой, отчего он чуть не закричал от боли.

— Вы специально давите всей силой? Я сейчас все папе расскажу! — Ахерон не собирался играть в их игру, поэтому сразу же решил выложить главную карту, при этом изнывая от боли в ребрах.

Как только эти слова прозвучали, сестры тут же отстранились от него, как от чумного, отчего он мог лишь рассмеяться им в лицо. Они снова пришли доставать его, но он не собирался больше этого терпеть. Точно не сегодня...

— В кого ты такой трус? Видимо в прошлом у нас в семье был дефектный. — Амелия тут же перестала улыбаться, а ее слова наполнились ядом и неприязнью.

Она до сих пор помнила унижение и боль, которую ей пришлось испытать от отца из-за жалобы брата, и она не собиралась спускать подобное ему с рук. Если сейчас она закроет на это глаза, то в будущем он будет при каждой проблеме бежать и жаловаться на нее с сестрой.

— Единственное, что вы можете делать это беспричинно задирает меня. Легко, наверное, одолеть того, кому даже кружку сложно долго держать? — Ахерон говорил твердо и уверенно, тогда как даже легкая усмешка была на его губах.

Он пытался выглядеть как можно спокойнее и непринужденнее перед сестрами, однако на деле ему было ужасно обидно, настолько, что хотелось разрыдаться. Ему оставалось жить всего ничего, но сестры все равно относились к нему почти как к врагу и от этого становилось только больнее на сердце.

— Будто это мы заставляли тебя родиться таким немощным слабаком! — С каждым словом Амелия продолжала выплескивать на Ахерона яд, тогда как Камелия лишь неловко молчала. Ей изначально не хотелось приходить и доставать брата, но сестра постоянно подначивала ее. — Вيني в этом свою проклятую удачу! Ты обычный неудачник! Ты даже не наш брат!

Продолжая гневно говорить, Амелия лишь выплёскивала одну грязь за другой, тогда как даже Камелия начала чувствовать, что ее сестра переходит грань.

Слушая сестру с открытым от шока ртом, Ахерон сначала чувствовал обиду, однако, чем больше она продолжала говорить, тем сильнее становилась обида, сменяясь еще и на гнев.

— Если вы все сказали, то я иду к папе! Посмотрим, Амелия, что он скажет на твои грязные слова в мою сторону. Я ему сейчас все расскажу и даже больше! Я поступлю как вы, также подло и грязно. Я наговорю на вас так, как никогда ранее! Смазывайте щеки оливковым маслом! — Выказав все, что хотел, Ахерон следом немедленно вышел из комнаты, собираясь поступить в точности, как и обещал, в то время как стоящая недалеко Лиса лишь наблюдала за потасовкой, не осмеливаясь вступать, спешно направляясь вслед за ним.

Наблюдая за уходящим Ахероном, который уже спокойно спускался по лестнице, Амелия взбесилась пуще прежнего, словно сгорая от ярости, настолько, казалось, ненавистен ей был ее младший брат. Камелия пыталась как-то успокоить сестру, однако, та не собиралась кого-либо слушать.

Не прошло и мига, как гневно сцепив зубы, Амелия тут же рванула к Ахерону, пробегая мимо ошеломленной Лисы и со всей силы толкая брата в спину, отчего он с шоком и удивлением кубарем повалился с лестницы, словно мешок с песком, ревя от боли. Он попытался сгруппироваться, однако не успел, ударясь головой об деревянный край лестницы и безды-

ханно скатываясь в самый низ, тогда как ступеньки то и дело осыпали его градом безжалостных ударов.

— Амелия! Во имя Великой матери что же ты натворила?! — Видя, что наделала сестра, Камелия могла лишь шокировано закричать, спешно направляясь к брату.

Глаза Лисы в этот момент так и вовсе раскрылись, словно блюдца, отчего она могла лишь в ступоре стоять и смотреть на тело Ахерона, бездыханно валяющегося внизу лестницы. Ее глаза были полны шока и ужаса, ведь то, что натворила Амелия было за гранью всего разумного.

— Он... умер? — Смотря на окровавленное тело Ахерона, Лиса могла лишь задрожать, не способная вымолвить и слова. Девятилетний мальчик валяющийся снизу был весь в крови и ушибах, и даже спустя несколько секунд его грудь так и не поднялась.

— А-а-а-а-а!!! — Подбежав к Ахерону и проверив его пульс, Камелия тут же закричала и зарыдала, а слезы потекли из ее глаз. — Он не дышит! Он не дышит, Амелия! Сделай же что-нибудь проклятая идиотка! А-а-а-а!

Амелия же сейчас могла лишь стоять в шоке, глядя вниз лестницы, тогда как ее руки уже непроизвольно дрожали. Она смотрела на умиротворенное лицо брата, что бездыханно лежал на полу, тогда как Камелия то и дело трясла его, умоляя проснуться и открыть глаза.

Лишь сейчас, когда казалось повернуть назад уже было нельзя она смогла заметить его исхудалое лицо, которое даже без выражения, словно было наполнено усталостью и печалью. Мешки под его глазами, словно говорили о том, как плохо он спит. Бледное, болезненно лицо то и дело доказывало, насколько слабым он был, и на сколько слабее он себя ощущал, под давлением сестер, что должны были одаривать его любовью и заботой, но никак не беспричинной ненавистью. Его лицо до этого ненавистное для нее, сейчас словно было милее и прекраснее всего на свете.

— Что... что же я наделала?!

Не прошло и мига, как из глаз Амелии уже хлынули слезы, однако она лишь продолжала стоять и смотреть, словно неспособная пошевелиться от ужаса того, что натворила. Весь мир для нее словно замер, и лишь бледное лицо брата и крики сестры стали его мрачной картиной.

Ужасающие крики Камелии сейчас были слышны по всему поместью, поэтому уже спустя несколько мгновений, которые для девушек казались вечностью, подросло множество слуг и пару рыцарей. Увидев лежащего под лестницей окровавленного Ахерона, они тут же побледнели от ужаса.

— Великая мать! Что здесь произошло?! — Немедля и секунды Мирейн тут же бросился к Ахерону, грубо отталкивая рыдающую Камелию и одновременно с этим кладя пальцы на его бледную и тонкую шею. Не прошло и мгновения, как его лицо уже наполнилось невыразимой печалью, однако он не смел опускать руки. — Вильгельм! Принеси свиток в кабинете, быстрее!

Даже прежде, чем Мирейн успел закончить предложение, Вильгельм уже несся, словно неудержимая колесница по направлению к кабинету, расталкивая толпу слуг. Его скорость

была крайне быстрой, отчего спустя лишь пару десятков секунд он уже стоял возле нужной двери, вышибая ее плечом.

— Демиан! Свиток для Ахерона, сейчас же!

Когда дверь оказалась выбита, Демиан уже стоял с мечом в руке, приняв стойку и готовый к бою, однако, едва он услышал испуганный и печальный голос своего старого товарища, как его меч тут же оказался на полу, а сам он бросился к дальней части кабинета, спешно открывая сейф и доставая золотой пергамент, исписанный неясными рунами. Быстро схватив его, он немедля вылетел из комнаты, словно вихрь, тогда как Вильгельм уже бежал вслед за ним.

Демиан был быстрее Вильгельма даже в доспехах, потому одетый сейчас в обычную одежду он пронесся по коридорам как торнадо, оставляя своего бегущего и звенящего от стука лат друга позади. Завернув, за последний поворот он уже мог видеть Ахерона, который бездыханный и окровавленный лежал на полу, отчего его сердце тут же наполнилось невероятной болью от одного лишь вида сына.

Глава 16. На грани жизни и смерти.

Демиан в мгновение ока оказался перед Ахероном. Он действовал решительно, не смея медлить, тут же доставая кинжал из-за пояса и быстрым движением разрезая себе ладонь. Золотой пергамент тут же был прижат к груди сына, а его окровавленная ладонь приложись следом сверху него, отчего золотой свет, такой же теплый как лучи солнца начал исходить от груди бездыханно лежащего тела.

Никто не посмел издать даже звука, поэтому стояла лишь гробовая тишина, разбавляемая тихим плачем и шмыганьем носа. Однако спустя несколько мгновений раздался панический голос подоспевшей Сильвы, которую уведолил один из слуг поместья.

— Что случилось?! - Едва Сильва испугано договорила, как перед ее лицом уже предстало лежащее тело сына, покрытое собственной кровью и бесчисленными синяками. — А-а-а-а-а! Ахерон... мой сынок! Мой малыш!

Сильва могла лишь завопить от ужаса и печали. Ей казалось, что в любой момент ее сердце может не выдержать такую боль. Она немедленно опустилась на колени перед телом сына, продолжая реветь и кричать, словно бившись в агонии.

Камелия также, как и мать могла лишь плакать, молясь Великой матери и Ярчайшему Свету, чтобы они помогли спасти ее брата, тогда как Амелия продолжала стоять сверху, а все ее тело сотрясалось от дрожи. Зубы стучали друг об друга в бешеном танце, а она сама не могла вымолвить ни слова. Крики сестры и матери, то и дело звучащие в голове, казалось, разрывали ее сердце на куски, а лицо отца, что всегда непоколебимо, так и вовсе едва сдерживало печальные слезы.

— Б-братик... прости... прости меня...

Амелия не могла вымолвить ни слова, но в своих мыслях она лишь бесконечно продолжала извиняться, однако ничего уже нельзя было вернуть назад. Нельзя было остановить ни бегущее от ярости тело, ни толкающие со всей силы руки, ни тело, что лежало внизу, казалось уже давно остывшее. Роковой поступок... действие, которое уже никогда не обернуть вспять.

Демиан в этот момент не мог отвлечься ни на миг, поэтому посмотрев на сидевшего рядом старого друга он только слегка кивнул в сторону жены. Спустя миг Мирейн мог лишь кивнуть в ответ, следом печально поднимаясь и аккуратно поднимая изнывающую Сильву, что словно тряпичная кукла, лежала возле тела сына, не способная даже пошевелиться.

— Ахерон... мой мальчик... — Сильва могла лишь бессильно смотреть на бездыханное тело сына, пока Мирейн уносил ее все дальше, тогда как ее сердце с каждым мгновением билось все слабее и тяжелее.

В этот момент Августо уже немедленно сказал Мирейну нести Сильву в лазарет, бросившись следом за ним. У нее были признаки нервного срыва, поэтому требовались срочные действия.

Вильгельм же остался стоять недалеко от Демиана, следя за тем, чтобы никто к нему не подходил и не мешал. Он даже оттащил плачущую Камелию подальше, оставляя отца и сына одних.

Ахерон медленно и устало приоткрыл свои глаза. Он лежал и смотрел на небо, но вместо облаков, ночных звезд, или ярких лучей солнца его встретила лишь безграничная темнота. Не было абсолютно ничего, и даже повертев головой его продолжал окружать лишь один только мрак.

— Должно быть я умер... — Ахерон мог лишь тихо проговорить, наблюдая за неизменным видом окружавшей его темноты, однако в нем не было страха.

В его голове, что словно раскалывалась от боли, начали появляться разрозненные воспоминания, с каждой секундой собирающиеся в единую картину. Черная книга, кошмары, ужасающие монстры... и конечно, предательство сестры. Именно оно было самым отчетливым. Именно оно привело его в это гиблое и пустое место.

— Ха-ха-ха-ха... — Ахерон мог лишь безумно рассмеяться, пока утраченные воспоминания о кошмарах медленно возвращались к нему, словно вгрызаясь в память.

Прошло несколько минут, прежде чем боль наконец ушла, а Ахерон неспешно поднялся, однако он чувствовал себя как-то не так. Кости не ломило от боли, не было ни усталости, ни голода, он чувствовал себя... пустым. Спустя миг, посмотрев на себя, он мог только рассмеяться еще безумнее прежнего, ведь вместо тела было лишь человеческое очертание, такое же черное, как окружавший его мрак. Он чувствовал, что его время наконец пришло...

— **ВЕЛИКАЯ МАТЬ И ЯРЧАЙШИЙ СВЕТ!** — Вновь переведя взгляд на небеса, что казалась лишь темным полотном, Ахерон безумно прокричал, тогда как окружающий мрак сотрясся от рокота, что нес в себе его голос. — Прошу... примите меня в свое великое царство!

Ахерон безумно смеялся, а из его глаз, что ныне были лишь черными дырами, стекали чернильные полосы слез, что гуще даже окружающего его мрака. Его руки были широко расставлены, а сам он ожидал великий свет, что пробьет завесу тьмы и заберет его в бессмертное царство — в лоно к Великой матери и Ярчайшему Свету.

Всю свою короткую жизнь он молился, верил и надеялся. Он знал... когда придет его время, свет спустится, и светносный облик Великой матери снизойдет к нему, призывая его в свои объятия и своим несравненным ликом развеивая всю тьму.

— Великая мать и Ярчайший Свет!

Ахерон вновь прокричал и снова мрак сотрясся от рокота, несущегося его голосом, однако он был слабее прежнего. Сила его могучего голоса, казалось, таяла, как таяла и его вера.

— Великая мать... Ярчайший Свет... Я готов...

Ахерон пытался вновь прокричать, но вместо рева, сотрясающего мрак был слышен лишь тихий голос, едва ли доносящийся даже до его собственных ушей. Ни Великая мать, ни Ярчай-

ший Свет не приветствовали его. Он не слышал воинственных барабанов, приветствующих его в бессмертном царстве, как не видел его далекого и великого света.

— Почему...? - Едва Ахерон успел задать вопрос, как под его ногами тут же забурлил мрак, словно расходясь в сторону, он открыл под собой невообразимый по размерам разлом. — Нет... не может этого быть...

Ахерон продолжал парить над трещиной, однако его черные дыры вместо глаз были наполнены лишь шоком и отчаянием. Бесчисленные руки различных монстров немедленно вырвались из разлома, хватаясь за каждую часть его нынешнего тела, медленно утаскивая его вниз. Среди этого бесконечного потока он видел и длани кошмаров, что преследовали его и даже тонкую, бледную руку его собственной сестры. Взглянув в мрачные глубины, он мог видеть лишь бесчисленное количество насекомых, словно ожидающих предстоящего пира и столь же многое количество пастей, желающих разорвать и пожрать его.

— Я НЕ ПРИЗНАЮ ЭТОГО! ТАКОГО ПРОСТО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!

Ахерон безумно завопил, хватаясь за одну из рук, держащую его. Он пытался разорвать ее, но в его теле не было ни капли сил. Казалось, он ничего не мог сделать... ничего не мог изменить...

— НЕНАВИЖУ! Я НЕНАВИЖУ ВАС ВСЕХ!

Бесчисленные руки продолжали утаскивать Ахерона все ниже и ниже, в глубины разлома, тогда как он сам лишь безумно кричал. Он рычал, рвал, бил и кусался, словно зверь и только тогда, спустя несколько минут все же смог разорвать одну из рук, которую тут же заменила другая. Тысячи рук держали его, миллионы держались за ними... и миллиарды... нет... даже сверх того дожидалось в глубинах разлома!

— Я УНИЧТОЖУ ВАС! КЛЯНУСЬ, Я УНИЧТОЖУ ВАС ВСЕХ! Я ПРОКЛИНАЮ ВАС! — Ахерон плакал кровавыми слезами, продолжая лишь безумно кричать. — ВЫ СЛЫШИТЕ МЕНЯ?! Я СОКРУШУ ВАС! СОКРУШУ ВАС ВСЕХ! Я САМ СТАНУ ВАШИМ КОШМАРОМ!

Яростно крича, Ахерон был способен вытянуть лишь одну из своих рук, прежде чем окончательно не исчезнуть в разломе, продолжая тянуться ей к далекому темному небу, тогда как из его глаз неостановимо текли кровавые слезы.

Сейчас он не чувствовал страха от вечного заточения в темноте, не чувствовал боли от того, как его пожирают и разрывают, он чувствовал... лишь бесконечную ненависть.

Золотой свет, исходящий от пергамента, с каждой секундой обволакивал тело Ахерона все сильнее, становясь лишь все ярче с каждым пройденным мигом. Раны на его теле постепенно начали затягиваться, а цвет лица восстанавливаться, становясь из бледного слегка розоватым.

Однако, чем розовее становилось лицо Ахерона, тем бледнее становился сам Демиан, словно отдавая свои жизненные силы сыну. Спустя всего лишь несколько мгновений, даже среди его черных, как вороное крыло волос появились седые оттенки.

— Пульс! Я чувствую его пульс и дыхание! Остановись, Демиан! — Вильгельм к этому моменту уже и сам сидевший возле Ахерона, то и дело проверял его пульс, дыхание и сердцебиение, и как только заметил, сразу же начал неистово кричать.

Услышав крики старого друга, Демиан подождал еще буквально мгновение, после чего тут же с силой отдернул руку. Золотой свет, исходящий от пергамента словно вмиг потерял всю свою силу, тут же начав блекнуть с каждой секундой, пока его остатки не были поглощены лежащим Ахероном, а сам пергамент не обратился прахом.

— Поэтому я и ненавижу церковь... проклятие. — Осмотрев небольшое количество своих новообретенных седых волос, Демиан не мог не выругаться, отчего Вильгельм лишь понимающе кивнул, натянуто улыбнувшись и тяжело выдохнув.

Покачав головой, и забыв о волосах, Демиан следом уже аккуратно погладил бессознательного Ахерона по голове. Несмотря на его слова, он все равно был бесконечно счастлив, что тот смог выжить, пусть и такой немалой ценой. Сейчас, пока его ладонь аккуратно поглаживала волосы сына, в его глазах было лишь сожаление за его участь. Если бы Ахерон так и погиб на его руках, то он бы точно не смог смириться с подобной потерей.

— Я отнесу его отдыхать и передам Сильве хорошие новости, а ты пока разберись с тем, что здесь произошло. — Аккуратно подняв сына, Демиан немедля начал уходить.

В этот момент в лазарете, Августо с Мирейном лишь продолжали уныло сидеть, размышляя над всей печалью происходящего, когда спустя миг Демиан тут же зашел внутрь, неся на руках Ахерона. Сильва же к этому моменту уже тихо спала, после того как приняла успокаивающие травы, который дал ей дворецкий, чтобы она смогла хотя бы немного расслабиться, в противном случае переживания могли бы даже убить ее.

— Августо, Мирейн, прошу следите за моей семьей, а я пока разберусь, что произошло. — Не дав вставить и слова поднявшемуся дуэту, Демиан убедившись, что Сильва и Ахерон в порядке тут же вышел за дверь, тогда как Августо в свою очередь уже немедля подбежал к Ахерону, спешно начав проверять его состояние.

Он больше ничего не смог бы сделать, продолжая сидеть в этой комнате и смотреть на свою семью. Августо единственный кто разбирается в лекарствах и травах среди слуг поместья, поэтому в случае легких проблем он разберется сам, тогда как ему самому нужно разобраться с причиной падения Ахерона.

Глава 17. Печаль, боль... вознесение.

Демиан вскоре мрачно вернулся обратно к месту падения Ахерона, где к этому моменту Вильгельм уже разговаривал с Лисой, чей язык заплетался через каждое слово. Даже сейчас она все еще не отошла от шока, который испытала, а ее голос то и дело непроизвольно дрожал.

Камелия же сидела недалеко от места, где еще недавно лежал Ахерон. Ее до сих пор слегка трясло, а она сама продолжала тихо плакать, то и дело поглядывая на небольшое количество крови, оставшееся на полу.

— Что здесь произошло черт возьми?! Ахерон споткнулся?! Или потерял сознание пока спускался?! — Подойдя, Демиан тут же начал задавать один вопрос за другим, поглядывая сначала на Лису, а потом и на Камелию. Хотя он внимательно смотрел на двух девушек, вопрос на деле был предназначен больше Вильгельму.

Услышав голос отца, Камелия могла только взглянуть на место, где должна была стоять ее сестра, однако там уже никого не было. Она даже не заметила в какой именно момент Амелия ушла, однако на деле была даже рада такому раскладу, боясь того, что в приступе ярости мог бы сделать отец.

— Демиан... Амелия... она... — Как только Вильгельм начал колебаться в своих словах, то и дело пытаясь как можно мягче выразиться, Демиан уже все понял, а его сердце тяжело сдавила печаль.

Еще когда он только прибыл, то уже тогда заметил намеки на не совсем простое падение. Поведение девочек тоже было довольно странным, однако он не думал о наихудшем варианте, надеясь, что хотя бы здесь интуиция его подведет... но он ошибался.

Вильгельм же так и не стал договаривать ужасные вести. Они были знакомы с Демианом уже очень давно, поэтому он мог сразу понять, что его друг уже все и так понял без лишних слов.

— Зачем она это сделала...? Как она могла поступить так подло...? Собственного брата... — Демиан проговорил так тихо, словно обращался лишь к себе, а не кому-либо из находящихся здесь. Однако в кромешной тишине, окружавшей всех, его слова все равно были отчетливо слышны каждому присутствующему.

Вильгельм ничего не сказал, лишь печально качая головой. Его молчание было как ответом, так и незнанием. Он и сам не понимал, как можно было так поступить. Амелия и Камелия, Маркус и Ахерон, они все росли на его глазах, он и сам считал их родными, готовый отдать жизнь за их защиту. Он не понимал, что могло сподвигнуть Амелию так поступить... поступить так подло, когда как даже он сам, не будучи их родным готов был отдать за них жизнь.

— Камелия... — Тихо прошептав, Демиан мог лишь перевести взгляд на сидящую неподалеку дочь, тогда как для плачущей девушки эти слова звучали словно раскаты грома. Она тут же подняла заплаканные глаза и посмотрела на отца, однако уже спустя секунду стыдливо их опустила, лишь продолжая слушать его тихие и печальные слова. - Скажи мне... где я ошибся? Что я сделал не так? За что вы так поступили со своим братом...?

— Э-это Амелия... я ничего не... — Едва услышав отца, Камелия тут же подняв взгляд спешно заговорила, стараясь объяснить, как все было на самом деле, но даже прежде, чем она успела договорить, Демиан уже взорвался в неистовом крике.

— Закрой свой рот!

Только недавно Демиан казался спокойным, однако спокойствие это было лишь напускным. Его рев заставил Камелию тут же замолкнуть, тогда как она сама лишь испуганно задрожала, не осмеливаясь ничего говорить.

От столь громогласного крика даже Лиса испуганно поежилась, боясь, что Демиан может выплеснуть зло на простой служанке, вместо родных дочерей. Лишь Вильгельм не был ничем удивлен, ведь он знал, что показанное ранее спокойствие было лишь маской сдерживаемой ярости и печали. Чего уж там... даже он сам сейчас в печали и ярости.

— Я задал тебе вопрос, а ты говоришь мне про Амелию! Хотела сказать, что ничего не делала, а?! — Стиснув зубы, Демиан уже яростно подошел к Камелии, поднимая ее рывком с пола и смотря прямо в ее заплаканные и испуганные глаза. — В том то и дело, что ты ничего не делала! Ты, идиотка, способная лишь подражать своей сестре, соглашаясь с каждой ее глупостью, доходящей... доходящей до абсурда и братоубийства!

Камелия не могла ни начать рыдать, пока Демиан продолжал ее держать, крича ей прямо в лицо, вымещая весь гнев, злость и невыносимую печаль, что снедала его.

— Ты знаешь, что твой младший брат болен? — Глубоко вздохнув, Демиан старался задать вопрос спокойно, однако дрожь в его голосе все равно выдавала его ярость. Тем не менее видя, что Камелия продолжает молчать он мог он лишь в ярости ударить ее по щеке. — Отвечай! Ты знаешь, что твой младший брат болен?!

После пощечины, Камелия вскрикнула, однако видя очередной замах отца, она могла лишь панически закивать, стараясь выговорить слова своим заплетающимся от страха языком.

— Знаю... я знаю... — Камелия горько плакала, в душе проклиная Амелию за ее поступок и за слабость, которую она проявила, сбежав от ответственности, хотя сама была рада этому пару минут назад.

— Тогда ты, наверное, знаешь, что ему осталось жить несколько лет? — После слов отца Камелия недоуменно посмотрела на него, однако он не дал ей вставить и слова, лишь продолжая говорить. — Он медленно умирает... с самого своего рождения. Он... он просто сгнивает заживо изнутри... Ахерон... мой бедный мальчик умирает, и я не способен... не способен ему ничем помочь...

С каждым словом голос Демиана слабел все сильнее, а его ярость потухала также быстро, как и разгоралась. К концу предложения его голос, казалось, совсем сел, а он сам мог лишь тяжело опуститься на колени и заплакать.

Вильгельм же в этот момент стоял как статуя, однако едва ли сдерживая подступивший к его горлу ком, в то время как Лиса лишь в ступоре обдумывала сказанное бароном. Тем не менее слезы лишь продолжали стекать и по ее лицу.

Она наблюдала не один год за Ахероном, и не могла поверить, что лишь еще через пару лет его уже ждет смерть. Вспоминая его краснеющее лицо, сокрытое стеснение и просьбу впервые за многие годы называть его по имени, она просто не могла сдержать печали.

Демиан больше ничего не сказал, лишь устало поднимаясь и направляясь обратно в сторону лазарета. Сейчас он просто хотел побыть с женой и сыном. Как отец он просто был обязан провести вместе последние годы жизни сына... как отец он просто был обязан сделать все... все что только может.

Камелия же сейчас так и вовсе лишь продолжала стоять в ступоре... даже когда силуэт удаляющегося отца размылся от слез, текущих из ее глаз. Но даже так... она то и дело вспоминала каждую пакость, которую они с сестрой вытворяли над Ахероном и по причине, и без.

Сквозь слезы, глядя на силуэт отца, она могла заметить, насколько слабым он казался ей сейчас. Он был таким могучим для нее, словно способным на все... однако он все равно оставался лишь человеком... человеком, который не может спасти даже своего сына. Каждую ночь это, словно мучило его, подтачивая его волю, пока его могучий голос и неудержимая походка не ослабла, давая свободу сдерживаемому отчаянию и слабости.

Кроме удаляющегося Демиана, все так и стояли на своих местах, а мысли и воспоминания то и дело прокручивались в их головах. На месте оставалась Камелия, что могла лишь неверяще смотреть словно бы в пустоту, вспоминая каждый момент, проведенный с младшим братом, среди которых не было ни одного положительного. С самого его рождения они с сестрой невзлюбили его, без причины... просто так... просто так...

Вильгельм продолжал стоять, лишь вспоминая малютку Ахерона... вспоминал моменты, когда он только-только научился говорить, называя его дядей Вильгельмом. Вспоминал, как он впервые поднял деревянный меч, и как впервые бросил его, не способный удержать.

Стояла и Лиса, которая пусть и не долго, но все равно видела, как растет Ахерон. Никого более чистого и доброго она не встречала. Он был словно чистый, не загрязненный окружающим злом яркий цветок. Его можно было бы попросить помощи в чем угодно... абсолютно обо всем... и он бы все равно помог. А как можно не помочь? — это то, что он сказал ей однажды.

Оставалась на месте и одиноко плачущая девушка, спрятавшаяся под кроватью в комнате над лестницей. Девушка, что слышала каждую букву, каждое слово произнесенное прямо под тем местом, где она лежала. Свернувшись в клубок она могла лишь плакать и дрожать. Она бы так хотела все вернуть назад... поступить иначе, но разве не каждый мечтал о таком? Вернуться назад и поступить по-другому особенно тогда, когда ошибка, совершенная тобой... меняет жизни людей. Но разве может человек... простой человек... быть на такое способен?

Ахерон медленно тонул, словно находясь в бесконечном кошмаре. Бесчисленные руки чудовищ разрывали его тело снова и снова. Бесчисленные уродливые и зубастые пасти неистово кусали его, рвали, жевали и глотали. Однако он снова и снова появлялся вновь, скованный

руками чудовищ, вынужденный лишь вновь быть разорванным и проглоченным. Бесконечный круговорот плещущего отчаяния, боли и злобы.

Бесчисленные глаза смотрели на него с ненавистью и яростью, словно их заклятый враг наконец оказался в их мрачной обители. Множество различных насекомых питалось его плотью, словно ненасытные они пожирали его вновь и вновь... снова и снова.

— Ненавижу...

Тело Ахерона было вновь разорвано, проглочено и поглощено. Лишь миг оставался у него на осознание того, что с ним происходит. Лишь этого мига хватало ему, чтобы сказать одно единственное слово.

— Ненавижу...

Из мига в миг. Снова и снова. Лишь одно слово слетало с его уст, прежде чем круговорот вновь начнет свой бесконечный цикл. Лишь этот миг мог разорвать круговорот, разрушить цикл, но снова... лишь одно и тоже слово снова и снова продолжало слетать с его уст...

— Ненавижу...

Ахерон не знал сколько прошло времени. Казалось вечность... а может лишь миг? Важно ли это? Нет... ведь важно, казалось, лишь одно...

— Ненависть...

Не прошло и мига, как вместе со следующими словами, вышедшими с его уст, Ахерон внезапно распахнул глаза, пылающие от ярости! Миг, отведенный ему, словно застыл, а далеко наверху, мрачное темное небо разошлось в стороны, пропуская сквозь себя неистовый золотой свет, снисходящий прямо в разлом, что как рана на земле, до сих пор не затянулся окончательно.

— Ха-ха-ха-ха-ха! — Видя это, Ахерон мог только расхохотаться как сумасшедший, тогда как его лицо уже исказилось в безумном оскале. Миг уже прошел...

Золотой свет тут же омыл его тело, отгоняя тьму, мрак и чудовищ. Тем не менее даже его собственное тело сейчас словно плавилось от мощи, что несет в себе этот свет, однако он лишь продолжал безумно смеяться, глядя туда, откуда исходит столб мерцающего золота. Его глаза пылали... казалось, они горят! Но даже так... он все равно продолжал смотреть и раскатисто смеяться!! Он был непоколебим!!!

С каждым прошедшим мгновением свет становился лишь сильнее, а его тело продолжало плавиться... казалось, спустя миг от него не останется абсолютно ничего, но он лишь продолжал безумно смеяться... и ждать. Время еще не пришло... он способен продержаться еще немного.

Прошло еще лишь мгновение, и в центре столба золотого света Ахерон наконец смог увидеть то, чего он так долго ждал... Рука снизошла из центра бесконечно далекого света, протянувшись вниз до самого разлома... глубин мрака!

Безумный смех следом вырвался изо его рта, но он не смел медлить, подпрыгивая изо всех сил, в то время как золотая рука словно ожидавшая чего-то, тут же притянулась к нему. Схватившись за протянутую вверх руку Ахерона, она немедля понесла его наверх, вытаскивая из бесконечно-глубинного мрака и тьмы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.